

Пространство и время

Кремень Р. Л.,
независимый исследователь,
kremen-roman@rambler.ru

Аннотация: В рамках вращательно-монадной парадигмы исследуется генезис пространства и времени. Устанавливается, что существо феномена пространства раскрывается через диалектический синтез двух его аспектов — идеального и материального, где последний представлен метафизическим конструктом протомонады. Показывается, что базовые физические различия, такие как *движение*, *масса*, *гравитация*, находят содержательную герменевтику посредством материального аспекта пространства, имеющего сугубо дискретную структуру, а контроверза о конечности-бесконечности разрешается сопряжением метафизического и онтического пространств, где Вселенная репрезентируется в виде «яйца». Анализ времённости предваряется замечаниями к реляционной и субстанциональной концепциям времени, рассмотрением дилеммы дискретности — непрерывности и критикой абсолютизации дискретности в представлении темпоральности. Доказывается, что дискретность и непрерывность — это сочетающиеся диалектические оппозиции, посредством которых актуализируется времяящая действительность, где непрерывность сокрыта от наблюдения в метафизическом мире, а дискретность проявлена в явном виде в мире физическом. Обсуждаются три измерения времени — Настоящее, Прошое и Будущее, в результате констатируется, что первичным образом время обнаруживается как атрибут сознания и только вторичным соотносится с феноменологической реальностью. Выявлены новые дифференциации времени: интервальное Настоящее, охватывающее как универсум иные модусы Настоящего, и двухкомпонентность времени в виде циклической и линейной составляющих. Последние позволяют сделать обоснованное положительное заключение о бытии трансцендентальной субъективности, являющейся основанием абсолютной времённости.

Ключевые слова: пространство, время, материя, метафизика, протомонада, духовная эссенция, дискретность, непрерывность, сознание, трансцендентальная субъективность.

1. Пространство

1.1. Протомонада — материальная основа трёхмерного пространства

Представленный ниже материал является продолжением и развитием изложенной в заглавной статье «Вращательно-монадная метафизика»¹ натурфилософской метафизической концепции, в главной тезе которой дефинирована отдельная динамическая субстанция, обозначенная как протомонада, лежащая в основании всего многообразия материального сущего, включая данное в опыте трёхмерное пространство, где протомонада в своём не агрегированном модусе и являет собой простейший дискретный элемент, воплощающий семантику трёхмерной пространственной топологии — «квант» пространства. Абстрактному моменту трёхмерной пространственности, широко используемому в естествознании, ставится в соответствие, таким образом, его конкретная «аппроксимация», получающаяся из более глубокого и содержательного различения пространственной категории. Важно ли это для естествознания? Вот что говорит по этому поводу один из мэтров современной физики Ли Смолин. «На самом деле, независимость от фона означает даже больше, чем это. Имеются другие аспекты природы, которые фиксируются в обычных выражениях законов физики. Но, возможно, их не должно быть. Например, факт, что имеется только три измерения пространства, является частью фона. Может ли существовать более глубокая теория, в которой мы не делаем заранее никаких предположений о числе пространственных измерений? В такой теории три измерения могут возникать как решение некоторого динамического закона. Вероятно, в такой теории число пространственных измерений может даже меняться во времени. Если бы мы смогли придумать такую теорию, она смогла бы объяснить нам, почему наша вселенная имеет три измерения. Это бы составило прогресс: объяснить в конце концов нечто, что ранее просто предполагалось» [Смолин Л., 2007, гл. 6]. Надо заметить, что евклидово пространство ньютоновой парадигмы наделено важным качеством — оно имеет абсолютный характер, в отличие от эйнштейновского принципа относительности, причём означенная абсолютность естественным образом схватывается интуицией, в то время как эйнштейновская ментальная «разорванность» пространства, хотя имеет своё логико-физическое обоснование, но интуицией отторгается как нечто неестественное, потому что нарушается целостность мировосприятия. Тот же Ли Смолин, для которого Эйнштейн — непревзойдённый образец учёного, тем не менее, отмечает затруднения его теории. «Тот факт, что любое тело может двигаться, а может и пребывать в покое, усложняет объяснение причин движения. Как нечто может быть причиной вращения Земли вокруг Солнца, если существует иная точка зрения, в той же степени достоверная, согласно которой Земля покоится? Если движение относительно, мы вправе сказать, что оно относительно по отношению к нам. Чтобы разрешить эту проблему, Ньютон предположил существование абсолютного положения в пространстве. Для него абсолютное положение означало положение относительно абсолютного пространства. Движение тел приобретает абсолютный смысл. Ньютон доказывал, что в абсолютном пространстве перемещается Земля, а не Солнце.

Постулирование абсолютного положения в пространстве делает ненужной бесконечную цепочку относительных измерений, придаёт смысл положению каждого объекта в пространстве. Это удобно. Но возникает вопрос: где абсолютное пространство и как измерить положение тел относительно него? Никто никогда не видел и не

¹ Кремень Р. Л. Вращательно-монадная метафизика // Vox. Философский журнал. — 2021. Вып. 33. — С. 104–134.

регистрировал абсолютное пространство. Никто не измерял положение иначе как относительно других тел. И если законы физики зависят от абсолютных координат, они не могут быть проверены экспериментально» [Смолин Л., 2014, гл. 3]. Несмотря на то что в Истории за Ньютоном закрепилась, не без его собственной подачи, поверхностная характеристика его как учёного, который «не измышляет гипотез», тем не менее, его физическая концепция, в том числе умозрение на пространство, ещё не порывает окончательно с метафизикой, о чём можно заключить даже из названия его фундаментального труда: «Математические начала натуральной философии»². Хотя его метафизика смутна, но в ней усматриваются глубокие онтологические наития, доступные только тому, кто мыслит в определённом ключе.

Даже такого основательного мыслителя, как Гегель, пространство, что называется, обвело вокруг пальца. Он пишет: «Одним из основных вопросов метафизики являлся вопрос, реально ли пространство само по себе или оно представляет собой лишь некое свойство вещей. Если скажем, что оно есть нечто субстанциальное, существующее для себя, то оно должно быть похоже на ящик, который, когда даже в нём ничего нет, всё же остаётся чем-то самостоятельным. Но пространство абсолютно уступчиво, оно нигде не оказывает никакого сопротивления, а от чего-то реального мы требуем, чтобы оно исключало другое. Мы не можем обнаружить никакого пространства, которое было бы самостоятельным пространством; оно есть всегда наполненное пространство и нигде оно не отлично от своего наполнения. Оно есть, следовательно, некая нечувственная чувственность и чувственная нечувственность. Предметы природы находятся в пространстве, и оно остается основой, потому что природа лежит в оковах внешности» [Гегель Г. В. Ф., 1975, с. 47]. Удивительно, почему Гегель не обратил внимания на то, что пространство не так уж и «уступчиво». Ведь его соображения, касающиеся пространства, появились в то время, когда Ньютоном уже были сформулированы принципы механики, а из соотношения, именуемого ныне как второй закон Ньютона, следует, что тело из состояния покоя может перейти в состояние движения (в пространстве), только если к нему будет приложена сила. То есть пространство неким таинственным образом препятствует тому, чтобы тело начало движение, что внимательному человеку известно и без знания классической механики. Пространство действительно можно было бы назвать абсолютно уступчивым, если бы предметы можно было перемещать одним напряжением мысли, что, кстати говоря, соответствовало бы квинтэссенции гегелевского идеализма, который находит мышление последней и абсолютной действительностью. Но если позволить себе толику иронии, даже такому титану мысли, как Гегель, это было не под силу. В случае с пространством человеческая способность усматривать абстракции настолько сильно выражена, что стала труднопреодолимой преградой, препятствующей присвоению истины конкретике пространственных отношений. Магия воздействия абстракции на восприятие действительности имеет вполне объяснимые предпосылки, поскольку абстракция есть такая же реальность, как и чувственно воспринимаемая материя, однако имеющая онтологически сугубо идеальное измерение. Представляется верным следующее утверждение об абстракции. «В этом смысле никогда нет абстрагирующей операции, если под ней понимают психологический и утверждающий акт выбора, производимого конституирующим умом. Не абстрагируют определённые качества, исходя из вещей, а напротив, следует видеть, что абстракция как способ первоначального бытия для-себя необходима, чтобы были вообще вещи и мир. Абстрактное — это структура мира, необходимая для появления конкретного,

² Ньютон И. Математические начала натуральной философии / Пер. с латинского и примечания А. Н. Крылова. — М.: Наука, 1989. — 688 с.

и конкретное есть конкретное только потому, что оно идёт к своему абстрактному, заявляет о себе через абстрактное тем, чем является» [Сартр Ж.-П., 2000, с. 221]. Умозрение Сартра подтверждается следующим перманентным обстоятельством, присущим процессу научного поиска. При решении той или иной естественно-научной проблемы вполне типической является ситуация, когда определённый отвлечённый момент, явно демонстрирующий свой идеальный статус, например, некий математический конструктор, неожиданно согласует кажущиеся первоначально разнородными закономерности, что как чудо удивляет учёного-естественника, не разбирающего идеально-материальную диалектику действительности. А истина заключается в том, что абстракция вполне объективна, и в этом состоит гениальное существо сартровского прозрения. В случае с пространством его идеальный аспект так искусно замаскировался в человеческом рассудке, что стянул на себя всё «одеяло» реальности, не оставив материальному его доли. Лишь с относительно недавних пор к некоторым представителям естественно-научного сообщества пришло наконец-то понимание, что подлинность пространства отлична от устоявшихся пространственных представлений, апеллирующих фактически исключительно к идеальной стороне. И случилась эта перемена только после того, как в физике обозначился конфликт двух парадигм, общей теории относительности (ОТО) Эйнштейна и квантовой механики³.

Ньютон оказывается несравненно глубже, чем это можно было себе представить на основании широко растиражированных его высказываний, наподобие следующего: «Физика, бойся метафизики». Вот, например, что мы узнаём из монографии П. П. Гайденоко «Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке». Она пишет: «И в самом деле, представление об абсолютном пространстве и времени имеет теологическое происхождение. В неопубликованных при жизни научных рукописях Ньютона, увидевших свет только в 1962 году, английский учёный следующим образом поясняет природу абсолютных пространства и времени: «Пространство есть эманативный эффект изначально существующей сущности (т. е. Бога), ибо если дана некоторая сущность, то тем самым дано и пространство. То же самое можно сказать и о длительности. Оба они, пространство и время, являются некоторыми эффектами, или атрибутами, посредством которых устанавливается количество существования любого индивидуума (сущности), принимая во внимание величину его присутствия и его постоянства в бытии. Таким образом, количество существования Бога с точки зрения длительности является вечным, а с точки зрения пространства, в котором оно наличествует (актуально), бесконечным» [Гайденоко П. П., 2006, с. 138]. Хотелось бы обратить внимание на то, что ньютоново созерцание, касающееся пространства, семантически как нельзя лучше соотносится с неограниченным и бесконечномерным так называемым метафизическим пространством, конституированным нами ранее наряду с протомонадой⁴. Надо иметь в виду, что во времена Ньютона содержательность математических формализмов, представляющих пространственность, оставалась ещё достаточно тривиальной и сводилась, по существу, к наглядно-иллюстративной экспликации трёх степеней свободы. Поэтому свои метафизические интуиции в отношении пространственности английскому учёному приходилось связывать лишь с одним из модусов пространственных различий — непосредственно с трёхмерным

³ Смолин Л. Неприятности с физикой: взлёт теории струн, упадок науки и что за этим следует / Пер. с английского издания Penguin Book, London, 2007; Артамонов Ю. А. URL: <http://www.rodon.org/sl/nsfvtsunichzes/> (дата обращения: 28.08.2022). (6. Квантовая гравитация: развилка на дороге.)

⁴ Кремень Р. Л. Вращательно-монадная метафизика // Vox. Философский журнал. — 2021. Вып. 33. — С. 104–134.

пространством, что выглядело прямолинейной и сомнительной натяжкой и вызывало впоследствии справедливую критику. В силу указанных обстоятельств ньютонова метафизика не была и не могла быть артикулирована в той мере, которая необходима для законченной концепции. Но общий онтологический посыл, лежащий в основании его метафизики, представляется верным. Это видится особенно отчётливо, если метафизическую максиму создателя интегрального и дифференциального исчисления, механики и прочая, прочая, рассматривать в контексте с содержательно более насыщенным — таким, как означенное выше метафизическое пространство — ноуменальным определением пространственности. «Мы видим тут стремление английского учёного вернуть природе то, что отнято у неё картезианцами и что связано с душой и жизнью. И не случайно принцип тяготения Ньютон связывает с абсолютным пространством: именно абсолютному пространству, а не материи он приписывает роль активного начала, называя его «чувствилицем Бога» [Гайденко П. П., 2006, с. 142]. Следует отметить, что в настоящее время физики массовым порядком пустились во все тяжкие использования многомерных пространственных репрезентаций, не рефлексировав особо по этому поводу, как будто бы о существовании пространств, имеющих топологию, отличную от трёх, им известно доподлинно. Ярким примером таких виртуальных путешествий в «параллельные миры» служит пресловутая теория (теории) струн. Означенный тренд обусловлен естественным ходом развития естествознания, поскольку многообразие и противоречивость вновь открытых физических явлений уже невозможно уложить в прокрустово ложе трёх измерений. Но если допускается реальность пространств, открытых на кончике пера, то перед нами остро встаёт натурфилософская проблема генезиса многомерности и связанные с ней задачи определения ограничений, накладываемых на возможные многомерные миры. В противном случае мы окончательно погрузимся в мир грёз или заблудимся в лабиринтах ложных пространственных схематизаций, ведущих в тупик, как это, похоже, случилось с теорией струн⁵. Конституирование бесконечномерного метафизического пространства и протомонады, кинематика которой нами очерчена вполне определённо, позволяет вести поиск условий существования конечных многомерных топологий более целенаправленно.

Ньютоново абсолютное пространство действительно очень удобная вещь, а неприятие его случилось, можно сказать, из-за мелочи, если смотреть с точки зрения дальней перспективы, а не сиюминутной гносеологической конъюнктуры; в силу преходящего обстоятельства, которое таковым большинству физиков, конечно же, не казалось, да и в настоящее время не кажется, в первую очередь потому что не видно, как к нему «привязаться», что возможно только при наличии материального субстрата, составляющего пространство. Но в таком ракурсе до сих пор мало кто мыслил. Вращательно-монадная метафизика легитимирует пространственный субстрат в виде протомонадного эфира, что представляется существенным продвижением вперёд. Пространственные переменные, присутствующие в эйнштейновской ОТО, отличаются от используемых Ньютоном координат евклидова пространства, не связанных никоим образом с его материальным наполнением, принципиально. Они атрибутированы более сложной структурой в сравнении с тем, что предписывает евклидова геометрия, и наделены свойством «вступать в отношения» с материей, что явилось значительным шагом в направлении «материализации» пространства, хотя сам Эйнштейн вряд ли рассуждал в таких категориях. Пространство в его теории по-прежнему, как и у Ньютона,

⁵ Смолин Л. Неприятности с физикой: взлёт теории струн, упадок науки и что за этим следует / Пер. с английского издания Penguin Book, London, 2007; Артамонов Ю. А. URL: <http://www.rodion.org/sl/nsfvtsunichzes/> (дата обращения: 28.08.2022).

остаётся сугубо геометрическим феноменом, никак не представленным физически. При этом автора специальной и общей теорий относительности ничуть не смущала принятая им парадоксальная установка, заключающаяся в том, что материя взаимодействует ни с чем иным, как с абстракцией пространства, в результате чего последнее, в частности, имеет способность — подтверждённую впоследствии экспериментально — искривляться. Неявно заданное аксиоматическое положение, в котором фактически утверждается, что идеальная сущность может вступать в отношения с физической субстанцией, иначе как нонсенсом не назовёшь, если, конечно, придерживаться позиции здравого смысла. Тем не менее, эйнштейновская теория долгое время успешно преодолевала верификационные рогатки, а победителей, как известно, не судят (до поры). Экспликация конкретной материальной единицы пространства — протомонады, — данная нами, позволяет наметить пути устранения абсурдной идеалистически-материалистической эклектики, свойственной ОТО. Математической форме эйнштейновского формализма необходимо придать иной вид, соотносящийся с алгебраическим конструктом протомонады. Подступы к решению этой задачи уже вполне обозначились, и в соответствующей литературе уже наличествуют математические работы⁶, проблематика которых определённо коррелирует с означенной задачей. Необходимость видоизменения физико-математического каркаса концепта, во главу угла которого поставлен доведённый до крайности принцип относительности, проистекает не только и не столько из-за свойственного ему смешения разнородных семантик, на что учёные обращают мало внимания, она продиктована насущными потребностями естествознания, зашедшего в тупик из-за отсутствия точек соприкосновения между двумя её сферами — классической и квантовой механиками, что, в свою очередь, стало одной из главных причин стагнации обоих разделов физики. Усмотрение в протомонаде базисного элемента природы открывает пути преодоления антагонизма указанных сфер. Действительно, проявляющаяся вовне как сугубо дискретная субстанция с дискретными же состояниями, что обусловлено спецификой её внутренней схематики, протомонада, с одной стороны, естественным образом может быть встроена в квантомеханические соотношения. С другой стороны, протомонада, интерпретированная как множественная материальная модель трёхмерной геометрии, противопоставляемая соответствующему идеальному континууму, позволяет привести последний к виду, где трёхмерное пространство предстаёт как одно из свойств материи, а классические законы, трансформированные в дискретную форму, могут быть согласованы с квантомеханическими, составляя с ними одно целое. Обретение пространством материального аспекта позволяет возродить идею вселенской или — в физической терминологии — выделенной системы координат, какой бы трудновыполнимой ни казалась поначалу эта задача, поскольку последняя становится разрешимой в принципе.

1.2. Обусловленность базовых физических понятий пространством

Новым и существенным, следующим из предыдущего метафизического нарратива, является недвусмысленный вывод: пространство по способу существования имеет дискретную природу. Благо со стороны физиков или, по крайней мере, части из них не должно последовать серьёзных возражений по этому поводу. Они и сами склоняются, «не от хорошей жизни», к подобному выводу. К этому их принудила тупиковая ситуация, в которой они оказались, тщетно пытаясь «сшить» различные разделы физики в единое целое. Вот как об этом пишет Ли Смолин: «Итак, мы решили отказаться от концепции гладкого непрерывного пространства и не вводить никаких гипотез, кроме хорошо

⁶ Ефремов А. П. Кватернионы: алгебра, геометрия и физические теории // Гиперкомплексные числа в геометрии и физике. — 2004. № 1. — С. 111–127.

проверенных экспериментально положений общей теории относительности и квантовой механики. В частности, в основе наших расчётов были заложены два ключевых принципа теории Эйнштейна.

Первый из них — независимость от окружения — провозглашает, что геометрия пространства-времени не фиксирована, а является меняющейся, динамической величиной. Чтобы определить геометрию, необходимо решить ряд уравнений, учитывающих влияние вещества и энергии. Кстати, современная теория струн не является независимой от окружения: уравнения, описывающие струны, сформулированы в определённом классическом (т. е. неквантовом) пространстве-времени.

Второй принцип, названный «диффеоморфной инвариантностью», гласит, что для отображения пространства-времени и построения уравнений мы вольны выбирать любую систему координат. Точка в пространстве-времени задаётся только физически происходящими в ней событиями, а не её положением в какой-то особой системе координат (не существует никаких особых координат). Диффеоморфная инвариантность — чрезвычайно важное фундаментальное положение общей теории относительности.

Аккуратно объединив оба принципа со стандартными методами квантовой механики, мы разработали математический язык, который позволил провести нужные вычисления и выяснить, дискретно пространство или непрерывно. К нашему восторгу, из расчётов следовало, что пространство квантовано! Так мы заложили основу теории петлевой квантовой гравитации» [Смолин Л., 2004, с. 50–51]. Новоявленный физический аспект пространства является пока только гипотезой, требующей солидной верификационной базы, получение которой — дело небыстрое. Поэтому вынесение окончательного вердикта со стороны физиков может растянуться на неопределённое время. Что же касается натурфилософских доказательств дискретности пространства, то, по крайней мере, одному из них уже более двух тысяч лет, хотя его автор, возможно, и не отдавал себе отчёта, к чему сводится дефиниция его утверждения, а лишь стремился показать курьёзную противоречивость определений движения. Указанное доказательство выстроено, в некотором роде, по принципу от противного. Речь идёт об известной апории древнегреческого философа Зенона Элейского «Ахиллес и черепаха», над которой философы «бьются» до сих пор; из того же ряда апория «Дихотомия». В результате логически безупречных рассуждений Зенон показывает, что блистательный во всех отношениях мифологический герой никогда не догонит черепаху. В своих рассуждениях он исходит из само собой подразумевающейся предпосылки о непрерывности и бесконечной делимости пространства, чем и обусловлен получающийся и противоречащий эмпирике вывод. Но стоит нам присвоить другую истину — дискретности пространства и, соответственно, конечности процесса его деления, то тотчас всё становится на свои места. В самом деле, так как каждый очередной «шажок» черепахи, который она противопоставляет расстоянию, проходимому преследующим её Ахиллесом, меньше предыдущего, то наступит такой момент, когда черепаха «попытаётся» продвинуться на расстояние, величина которого меньше минимального размера дискретности пространства, а это невозможно по определению. Ей придётся, оставаясь в неподвижности, выждать некоторое время, необходимое и достаточное для «скачка» через пространственную дискретность. Ахиллес же способен «скакать» с дискретностью, величина которой превосходит минимальную, и, следовательно, через означенное «некоторое время» он окажется впереди черепахи, подтвердив приписываемое ему реноме.

Содержательная экспликация пространства как специфической физической среды, названной нами протомонадным эфиром, позволяет высказаться критически

о контроверзе проблемы пространства — реляционной и субстанциональной точках зрения. Сторонники и той, и другой позиции, как представляется, наполовину правы и наполовину неправы, а так как половинной правдой удовлетвориться невозможно, то неправы в конце концов и те, и другие. После представленных ранее вращательно-монадных различий может показаться, что реляционная концепция, отказывающая претензиям пространства на реальность и признающая лишь материальные тела и их отношения, оправданна, поскольку, как мы выяснили, «носитель» пространственности по существу есть материя, или протоматерия; в этом и заключается случайная половина правды реляционной позиции. Но надо иметь в виду, что реляционизм, в том виде как он обычно артикулируется, не может изъясниться развёрнуто по поводу феномена пространства и подразумевает ускользающую от рациональной репрезентации гегелевскую «нечувственную чувственность и чувственную нечувственность», где пространство сводится к сугубо субъективному аспекту, который есть не что иное, как суррогат непризнаваемого материализмом идеального аспекта. Но и воззрение на пространство как субстанцию прояснено не более чем реляционное. Оно декларативно и чем-то напоминает декартовскую протяжённую субстанцию, порождающую дуализм при попытке объяснить её взаимодействие с субстанцией духовной. Декарт означенную дуалистическую трудность объясняет посредничеством Бога, что, конечно же, представляется сомнительным объяснением; ссылки на Бога следует отнести к влиянию средневековой схоластики, к которой Декарт был настроен критически, но полностью порвать с ней не сумел. Предлагаемая нами метафизическая схема, в которой противоположение идеального и материального снимается синтезом духовной эссенции, представляющей собой различие онтологического порядка, позволяет преодолеть пресловутый картезианский дуализм, что, однако, нисколько не противоречит идее Бога и даже предполагает её, но не апеллирует к ней прямолинейно и непосредственно. Выделение в проблематике пространства материального аспекта, конкретизирующего абстракцию пространственности в виде протомонадного эфира, являющегося предусловием материальности, позволяет разобраться с рефлексией в отношении движения как перемещения в пространстве. Надо заметить, что физика в целом и натурфилософия в большей своей части не акцентируют внимание на сущности движения, воспринимая его как некий исконный атрибут действительности, недоступный редукции. Тот же первый закон механики в его исторической формулировке Ньютона гласит: «Всякое тело продолжает удерживаться в своём состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние». Но что это значит — быть в состоянии движения? Почему движущееся движется? Такие вопросы вполне уместны, но тому же Ньютону по этому поводу сказать нечего. У него мы лишь можем почерпнуть, что к нередуцируемому виду движения он относит равномерное прямолинейное. Быть может, эйнштейновская парадигма с её более сложной структурой пространства способна ответить нам в нашем вопрошании? Оказывается, нет! В собственной эволюции понимания пространства как неких двух аспектов — идеального и материального — Эйнштейн остановился где-то на полпути, смешав их до неузнаваемости, что закрыло возможность семантически внятно дефинировать категорию движения, основываясь на его постулатах. Квинтэссенция движения (в пространстве) схватывается интуицией при условии, что движение (по)является результатом взаимодействия движущегося тела с образующим пространство эфиром. Наглядной аналогией, демонстрирующей идею такого взаимодействия, может служить движение в жидкости, например, рыбы, где перемещение оной несомненно есть результат взаимодействия с водной средой, без которой ни о каком движении говорить не приходится, разве что о конвульсиях водного

обитателя, выброшенного на берег. В нашем же случае невозможны и условные «конвульсии», поскольку требование материальной составляющей абсолютно.

В другом месте мы уже отмечали, что именно предрасположенность протомонад к агрегированию лежит в основании материальности как таковой, является принципиальным условием её возникновения. Протомонадный эфир, посредством которого пространство обретает самостоятельное феноменологическое существование, является базисом обеих известных из физики форм материальности — вещественной и полевой, где качественные и количественные параметры агрегирования и предопределяют дифференциацию означенных форм. Схематика агрегирования и обусловленность той или иной формы в зависимости от характеристик агрегирования — это отдельная тема, погружаться в которую в настоящей работе мы не имеем возможности. Отметим лишь следующее обстоятельство. Протомонадный эфир уже сам по себе представляет некоторую крайнюю модификацию полевой материи, отличительной чертой которой, как и других возможных модификаций, является её континуумальность; проще говоря, полевые формы материи представляют собой непрерывные (сплошные) среды. Внутренняя динамика таких сред имеет, как показывает опыт, преимущественно волновую структуру. Следовательно, любое движение материального тела в пространстве, сиречь протомонадном эфире, должно сопровождаться волнами в объемлющем тело эфире. Слово *сопровождаться* здесь не совсем точное, так как его можно интерпретировать в том смысле, как будто оно указывает на что-то вторичное или побочное, являющееся следствием чего-то. В действительности же дефиниция понятия *движение* как перемещения в пространстве необходимо предполагает волновой феномен, без которого движение попросту невозможно, как невозможно движение сёрфингиста без прибойной волны; как можно заметить, значение термина *волна* включает в себе семантику движения в чистом виде, без привязки к движущемуся телу. Подтверждением проводимого нами тезиса в отношении сущности движения служит пресловутый корпускулярно-волновой дуализм, не дающий покоя уже не одному поколению физиков вследствие его кажущейся парадоксальности и принимаемый только потому, что к этому принуждают эмпирические факты: установлено, что волновые эффекты, например, интерференция, характерны не только для света и электромагнетизма, но и для электронов, атомов, молекул. Следует ожидать, что волновые проявления будут обнаружены и для макрообъектов, а уже зафиксированные гравитационные волны можно считать лишь первой ласточкой в соответствующем ряду феноменов. Мысль о том, что корпускулярно-волновой дуализм имеет всеобъемлющий характер, а не присущ лишь микромиру, принадлежит Луи де Бройлю. «Впервые теорию скрытых параметров представил герцог Луи де Бройль на знаменитом V Сольвеевском конгрессе в 1927 году, вскоре после того, как квантовая механика приобрела свою окончательную формулировку. Де Бройля вдохновила идея Эйнштейна о дуальности волновых и корпускулярных свойств (см. главу 7). Теория де Бройля разрешила загадку волны-частицы простейшим образом. Он утверждал, что физически существуют и частица, и волна. Ранее, в диссертации 1924 года, он писал, что корпускулярно-волновой дуализм универсален, так что такие частицы, как электроны, также представляют собой волну. В 1927 году де Бройль заявил, что эти волны распространяются, как на поверхности воды, интерферируя друг с другом. Частице соответствует волна. Кроме электростатической, магнитной и гравитационной сил, на частицы действует квантовая сила. Она притягивает частицы к гребню волны» [Смолин Л., 2014, гл. 13]. Теория де Бройля, в которой и частицы, и волны реальны и являются взаимообусловленными феноменами, намного опередила своё время и потому, как это часто бывает, не получила широкого распространения. Новые данные в пользу универсальности корпускулярно-волнового

дуализма, полученные в последнее время, можно рассматривать не только как экспериментальное подтверждение физико-теоретических умозрений французского учёного, но и в качестве положительного верификационного опыта настоящего метафизического нарратива. Момент, касающийся точки зрения, бытующей среди физиков, о принципиальной неразличимости состояния покоя и равномерного прямолинейного движения. Полагаем, что различие возможно по волновым эффектам, присущим любому движению, включая равномерное прямолинейное, и отсутствующим в состоянии покоя.

Означенный взгляд на пространство позволяет более чётко определить семантику такого основополагающего в физике понятия, как *масса*, и устранить остающуюся до сих пор неоднозначность, присутствующую в совокупности предикатов этого понятия. В классической механике, сформулированной Ньютоном, масса является и фактором инерции, и фактором гравитации, причём вопрос тождественности генезисов этих факторов — иначе говоря, их общего генезиса — у английского учёного остался открытым. Эйнштейн также не смог содержательно прояснить проблему тождественности в физических категориях и, не мудрствуя лукаво, просто постулировал принцип эквивалентности инерционной и гравитационной масс. С прагматической точки зрения это был, конечно, конструктивный ход, отодвигающий проблему на задний план, или, если угодно, загоняющий её вглубь, но не решающий её как таковую. Подход к решению, устраняющему неоднозначность определений в отношении так называемой *массы* без привлечения искусственно сконструированных принципов, открывается в рамках настоящей метафизической парадигмы и заключается он в дефиниции *массы* (тела) как некоторого интегрального параметра вещественных форм материи, где конкретное значение параметра характеризует меру противопоставленности структуры специфицированной формы структуре совокупности полевых форм материи, главным образом структуре пространствообразующего протомонадного эфира. По-другому, конкретное значение массы отражает степень нарушения гомогенности структуры пространства и возникающей гетерогенности последнего вследствие включённости в него тела и воздействия его на структуру пространства. Это воздействие имеет как динамический аспект (движение), и тогда мы констатируем инерционные отношения, так и статический аспект, проявляющийся в случае двух и более тел, и тогда мы констатируем так называемые гравитационные отношения этих тел. В обоих случаях эти отношения обусловлены одним и тем же фактором — протомонадным эфиром, что и обеспечивает единую каузальную основу и, соответственно, эквивалентность масс, конституированных разными способами. *Масса*, таким образом, есть категория относительная, получающая содержательное наполнение лишь в контексте материального аспекта пространства — относительно пространства. Другим ракурсом герменевтики *массы*, дополняющим представленный выше ракурс, является репрезентация массы как количественной характеристики способности тела «уплотнять» прилежащие к нему протомонады, что позволяет в свою очередь наглядно эксплицировать уже упомянутую гравитацию не посредством никак не объяснимой ньютоновской силы притяжения, не при помощи эйнштейновской абстракции искривленного пространства, а как приталкивающее протомонадное воздействие, обусловленное утеснением дискретных элементов пространства. Для прояснения существа дела прибегнем к следующей аналогии. Уподобим совокупность протомонад многочисленной группе людей, каждый из которых кружится с широко расставленными руками. В «штатном» режиме «тика в тик» места хватает всем, и никто друг другу не мешает. Но если меж кружащихся установить, например, массивный царь-колокол, то те, кто окажется вблизи него, будут вынуждены потесниться, они начнут задевать друг друга, а их вращательная активность снизится.

Если теперь на некотором отдалении от колокола поместить ещё, например, воздушный шар, то последний со стороны, прилежащей к колоколу, будет испытывать менее интенсивное воздействие извне, чем со стороны, более удалённой от колокола, где подвижность кружащихся выше по сравнению с находящимися между шаром и колоколом. В конце концов шар прильётся к колоколу. Кое-кто может усмотреть некоторую аллюзию в представлении гравитации, находя определённое сходство с законом Архимеда для жидкостей и газов. Однако это, что называется, обман зрения. Древнегреческий учёный открыл, что выталкивающая сила направлена из области высокого давления в область низкого давления. В нашем же случае дело обстоит прямо противоположным образом, и если со значительной долей условности использовать архимедовы категории, то получается, что условная выталкивающая сила направлена в область высокого давления. Природа как будто бы специально пытается запутать человека.

Из приведённой иллюстративной схемы гравитационного взаимодействия можно заключить, что взаимодействия как такового по существу и нет, потому что якобы взаимодействующие тела, как следует из схемы, непосредственно не связаны. Именно этим обстоятельством объясняется, почему гравитационное взаимодействие не вписывается в общую схему, о чём мы узнаём из описания так называемой *стандартной модели*, принятой в физике. Оттуда же известно, что гравитация, в отличие от других взаимодействий, самое слабое из всех известных, что обусловлено тем же самым обстоятельством. Одним из фактов, подтверждающих обрисованный механизм гравитации, является феномен океанских приливов, вызываемых естественным спутником Земли Луной, точнее, его своеобразная особенность, не имеющая внятного объяснения со стороны учёных и состоящая в том, что выпуклость океанской поверхности образуется не только на той стороне планеты, которая обращена к Луне, но одновременно и на противоположной, т. е. водная масса устремляется на этой стороне в противоположном от Луны направлении. Эмпирическая аргументация гравитации как своеобразной силы отталкивания в данном случае имеет не меньшую силу, чем посыл о силе притяжения. Именно наличием двух «горбов», перемещающихся по поверхности мирового океана синхронно с вращением Земли вокруг собственной оси, обусловлена периодичность приливной волны два раза в сутки, не имеющая достаточно убедительной репрезентации в рамках известных научных дискурсов. В контурах же артикулируемого нами механизма гравитации указанная особенность получает не только рациональное, но и наглядное объяснение. Суть его следующая. Приталкивающее воздействие протомонадного эфира, окружающего Землю, является в то же время сдавливающим воздействием, величина которого зависит от параметров как планеты, так и естественного спутника, вносящего свою лепту в это воздействие. Условный круг (эллипс), получающийся пересечением воображаемой секущей плоскости с поверхностью Земли перпендикулярно линии, соединяющей Землю и Луну и пересекающей её пополам, поименуем «экватором». Сфероидная форма планеты и совокупность других факторов приводят к неоднородности распределения давления в поверхностном слое мирового океана от дополнительного сдавливающего воздействия, обусловленного Луной, так что избыточное давление формируется в поясе, прилегающем к означенному экватору, которому мы ставим в соответствие два «полюса» в виде водных выпуклостей. Таким образом, градиент перепада водного давления из-за воздействия Луны имеет направленность от «полюсов» к «экватору», из чего следует, что водные массы должны устремляться к оним полюсам, лежащим на линии, соединяющей Луну и Землю. Планету как бы сдавливает некая невидимая лента, опоясывающая Землю вокруг и выталкивающая водные массы из области «экватора» в двух противоположных направлениях к двум упомянутым условным

полюсам, меняющим своё местоположение синхронно с вращением планеты. Важным достоинством представленного умозрения, отличающим его от устоявшихся взглядов, следует считать доступность его интуиции, что само по себе служит позитивным гносеологическим индикатором. Предложенная «формула» приливов, вызванных гравитационным воздействием Луны, имеет целью продемонстрировать не более чем до предела упрощённую схему. Надо отдавать себе отчёт, что только на основании корректной физико-математической модели, вбирающей в себя описанную схему как исходную тезу и верифицированной опытом, можно будет вынести окончательный вердикт. Но это уже прерогатива теоретического естествознания, значение которого автор умалять не намерен. В артикулированной нами концепции гравитации и тесно связанных с ней инерционных отношений, обуславливающих возможность «уплотнения» и гетерогенность пространства, легко усматриваются известные физические феномены, такие как искривление пространства, изменение темпа времени, что связано с внутренней протомонадной активностью, подверженной влиянию извне, и многие другие, которые предсказывает ОТО. В нашу задачу не входит составление исчерпывающего списка физических явлений, находящихся истолкование исходя из вышеизложенного. Вторгаться в зону ответственности физики мы не собираемся, да и не имеем возможности.

1.3. Вселенная — «яйцо»

Предыдущим нарративом нами созданы предпосылки, позволяющие расставить точки над *i* в застарелой натурфилософской контроверзе конечности-бесконечности пространства. Итак, что мы имеем? С одной стороны, согласно так называемому принципу генетического наследования, сформулированному ранее⁷, множество протомонад, образующих материальную конкретику пространства, нисходит к уникальной протомонаде, возникшей в начале времён. Откуда следует, что как бы ни было велико число протомонад, составляющих пространство известной нам Вселенной, она, тем не менее, ограничена. Иначе говоря, пространство конечно. Данное умозаключение вполне соотносится с имеющейся научной картиной мира. Вот что пишет, например, не раз уже цитируемый нами физик Ли Смолин: «В 1916 году, в год публикации ОТО, Эйнштейн применил её для описания Вселенной. Он предполагал, что Вселенная конечна в объёме, но, подобно поверхности сферы, не имеет границ. Это стало важным шагом к пониманию мира: впервые Вселенная рассматривалась как замкнутая и конечная система. Несмотря на то, что Вселенная велика, нет способа выйти за её пределы. Выражение “за пределами Вселенной” бессмысленно» [Смолин Л., 2014, гл. 6]. Но как можно мыслить пространственную границу и что будет, если мы приблизимся к ней и, образно выражаясь, протянем руку по ту сторону? Возникающая силлогическая трудность опять влечёт нас к отвлечённой, бессодержательной и внутренне противоречивой — дурной — бесконечности, что являет нам другую сторону проблемы пространства. Означенная антиномия на протяжении веков ставила в тупик величайшие умы и немало копий было сломано по этому поводу. Так, Дж. Бруно⁸ настаивал на бесконечности пространства, полемизируя заочно с Аристотелем, в то время как последний полагал пространство Вселенной ограниченным. Однако монах-итальянец больше преуспел в иронии в отношении великого грека, чем в аргументах, и его бесконечное пространство осталось образчиком «дурной» бесконечности. Диалектическое противоречие, в котором «зажато» понятие пространства, снимается следующим

⁷ Кремень Р. Л. Диалектическая гносеология // *Вех. Философский журнал*. — 2020. Вып. 28. — С. 102–127.

⁸ Бруно Дж. О бесконечности, вселенной и мирах // *Диалоги*. — М.: Госполитиздат, 1949. — 552 с.

синтезом: Вселенная представляет собой «яйцо», внутри которого мы имеем дело с ограниченным и в размерах, и в топологии пространством — трёхмерным. А что же снаружи «яйца»? Тоже пространство, но не то пространство, что известно нам из опыта и математических построений — трёхмерное, а другое — метафизическое, недоступное чувственному восприятию, свойства которого во всех аспектах определяются понятием бесконечности, включая свойство, которое в физике при характеристике вещества именуют плотностью. Метафизическое пространство относительно известного нам трёхмерного твёрдо абсолютно, так что «протянуть руку» за пределы Вселенной действительно никак не получится. Но не потому что, как говорит Ли Смолин, «выражение «за пределами Вселенной» бессмысленно». Напротив, семантика предела Вселенной вполне схватывается интуицией и имеет право на существование, чего не скажешь об излагаемой Смолиным эйнштейновской пространственной экспликации, которая в логико-смысловом плане весьма уязвима, потому что в ней игнорируется означенная выше контроверза. Впрочем, удивляться тут нечему, поскольку эйнштейновская репрезентация, как и у большинства «естественников», ограничена исключительно физико-математическими различиями, что недостаточно для герменевтики пространства. Тем не менее, это не мешает аргументировать невозможность выхода за пределы Вселенной физико-математическими дефинициями. Природа в очередной раз посмеялась над человеком, и в действительности дело обстоит ровно наоборот, чем это представляется наивному человеческому рассудку. Та чернота неба, которую мы видим на заднем плане всех видимых звёзд, — это не чернота пустоты, а чернота непроницаемой твердыни края Вселенной. При таком взгляде, как можно заметить, кардинально решается проблема устойчивости Вселенной, занимающая умы космологов, подбирающих математическую формулу мироздания. Здесь уместно привести седьмой и восьмой стих Книги Бытия: «И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердь, от воды, которая над твердь. И стало так. И назвал Бог твердь небом. [И увидел Бог, что это хорошо.] И был вечер, и было утро: день второй» (Быт. 1:7–8). В рассматриваемой метафизике библейские слова о небе уже не кажутся некой фигурой речи.

На ограниченность эмпирического пространства указывают и некоторые предварительные результаты исследования космоса: «Таким образом, если инфляция производит однородную вселенную на масштабе, который мы наблюдаем, она, вероятно, произведёт вселенную, которая однородна при намного больших масштабах. Всё это подразумевает, что картина произведённых инфляцией флуктуаций должна продолжаться и продолжаться, независимо от того, насколько далеко вы заглядываете. Если бы вы смогли заглянуть за пределы существующего размера наблюдаемой вселенной, вы должны были бы продолжать видеть малые флуктуации в космическом микроволновом фоне. Вместо этого, данные подсказывают, что флуктуации могут прекратиться на масштабе больше R » [Смолин Л., 2007, гл. 13]. В представлении Вселенной как яйца естественным образом снимаются многочисленные затруднения, имеющие место в космологии. Одним из таких затруднений является парадокс Ольберса, или фотометрический парадокс, суть которого такова: в стационарной и бесконечной Вселенной луч зрения обязательно должен упереться в какую-нибудь звезду, а всё небо, следовательно, должно выглядеть светящимся, как Солнце. Наиболее значимо то, что репрезентация в виде яйца позволяет подступиться к фундаментальному вопросу космологии, к которому привлечено внимание и физиков, и философов — что было до...? Вопрос обычно ставится следующим образом: что было до Большого Взрыва? Правильней будет вопрос сформулировать так. В каком качестве оно было? Ответ, следующий из эксплицируемой нами метафизики, известен: в качестве субстрата духовной эссенции,

составляющей бесконечное во всех аспектах метафизическое пространство! Догадки об обусловленности сущего иерархиями иного порядка можно найти уже у древнегреческих натурфилософов. Так, представителем милетской школы Анаксимандром было введено понятие апейрона, означающее неопределённое, беспредельное и бесконечное первовещество, являющееся основой мира и существующее в вечном движении. Как видно, сходство между конституированным нами метафизическим пространством и апейроном, что называется, налицо. Основной трудностью большинства физических теорий, рассматривающих проблему Начала, является их — если так можно сказать — «подвешенность в воздухе», или оторванность от *Бытия*, выражаясь фундаментальным философским понятием. Та же Теория Большого Взрыва начинает историю мира с так называемой гравитационной сингулярности. Но где или в чём эта сингулярность обретается, совершенно неясно. И почему она таковая, какая есть? Уникальна ли она или множественна? Все эти вопрошания наука оставляет за скобками. Справедливости ради следует заметить, что и в философиях мы не находим удовлетворительного ответа на вопрос, как *Бытие*, мыслимое качественно отличным от сущего, предлежащее последнему и обуславливающее его, сопрягается с ним, что свидетельствует о разрыве между онтологией и метафизикой. Содержательной артикуляцией метафизического пространства мы преодолеваем этот разрыв, наводим мосты между Бытием и сущим, объединяя их в единое целое, где сущее предстаёт лишь незначительным феноменологическим вкраплением в толщу Бытия, обусловленным латентными онтологическими процессами, которые и предопределяют событийную канву, так же, как пузырящаяся лава вулканического извержения является лишь следствием глубинных процессов в мантии Земли. Возможно возражение в связи с включением в нарратив философии природы онтологического дискурса. Некоторые могут поинтересоваться, необходим ли он учёным. Представляется, что да. Естествознание достигло уже такого уровня, когда релевантная репрезентация природы становится проблемной без обращения к Бытию. Об этом всё чаще заявляют сами учёные, задаваясь не входящими в их компетенцию вопросами, наподобие этого. «Однако можно было бы задать вопрос: если предположить, что наша Вселенная (или та её часть, в которой мы живём), когда-то не существовала (по крайней мере, как классическое пространство-время), то в каком смысле можно говорить о существовании «в то время» законов, которые определили её рождение и эволюцию? Известно, например, что законы, определяющие биологическую эволюцию, записаны в нашем генетическом коде. Но где были записаны законы физики, если Вселенной не было?» [Линде А. Д., 1990, с. 257].

Созерцание данной нам в опыте трёхмерной реальности порождает следующее вопрошание. Почему наряду с временным мы представляем наш мир пространственным, а не каким-либо иным способом? Другой способ, в общем-то, и мыслить невозможно. Не потому ли, что сам онтологический базис пространственных различий изначально «болен» пространственной действительностью, необходимо включает в себя семантику пространственных дефиниций, но абсолютных и безусловных. Конституируемое нами метафизическое пространство таковым, по сути, и является. Может показаться, что репрезентируемое нами сопряжение эмпирического и метафизического пространства уж слишком диссонирует с привычными рассудочными представлениями, переворачивает всё шиворот-навыворот. Но, следует признать, мы здесь не оригинальны, и не мы первые отметились на этом поприще. Та же инфляционная космология предлагает, как один из вариантов, схожую картину⁹, в которой раздувающаяся (инфляционная) Вселенная есть «пузырь», наподобие пустот в сыре, окружённый сверхплотной средой, и отмеченное

⁹ Линде А. Д. Физика элементарных частиц и инфляционная космология. — М.: Наука, 1990. — 280 с.

направление продолжает успешно развиваться. «Факт» непутого метафизического пространства проливает свет на умозрение в отношении гравитационной сингулярности, присутствующей в космологических теориях, как некой особой точки, неведь откуда взявшейся и предшествовавшей появлению Вселенной. На поверку получается, что подобных сингулярностей, пребывающих вечно, неисчислимо множество, а их непрерывная совокупность и составляет существо метафизического пространства. Вселенная предстаёт, таким образом, не случайным и неизъяснимым феноменом, а получает каузальную основу своего возникновения и развития. Введением в рассмотрение понятия начальной гравитационной сингулярности космология прикоснулась, в прямом и переносном смысле, к метафизической сфере, не подозревая, что перед ней не точка, а глухая стена. Неожиданный смысловой унисон в представлении Вселенной — не только сугубо формальном, физико-геометрическом, но и в некотором роде экзистенциальном — мы находим в грандиозном произведении «Тайная доктрина», принадлежащем одному из основателей «Теософского общества» Елене Петровне Блаватской. «Архаический манускрипт — коллекция пальмовых листьев, приведённых особым, неизвестным науке, способом в состояние непроницаемости для воды, огня и воздуха — лежит перед глазами пишущей эти строки. На первой странице изображен чистый, белый Диск на чёрном фоне. На следующей странице тот же Диск, но с Точкою в центре. Первый, как это известно изучающему оккультную науку, представляет Космос в Вечности перед новым пробуждением ещё дремлющей Энергии, эманации Вселенной в последующих системах. Точка в до сих пор незапятнанном круге — Пространство и Вечность в состоянии Пралайи — указывает на зарю дифференциации. Эта Точка в Мировом Яйце есть Зародыш внутри его, который разовьётся во Вселенную, во все Сущее, в беспредельный, периодический Космос; Зародыш, являющийся, периодически и поочередно, то скрытым, то действенным. Единый Круг есть Божественное Единство, откуда всё исходит и куда всё возвращается; его окружность — вынужденно относительный символ в силу ограниченности человеческого ума — предпосылает отвлеченное, вечно-непознаваемое ПРИСУТСТВИЕ, а его площадь Вселенскую Душу, хотя оба они едины. Тем, что лишь площадь Диска белая, вся же окружающая плоскость чёрная, ясно указывается, что этот план, как бы ни был он ещё тускл и туманен, является единственным, доступным человеку, знанием» [Блаватская Е. П., 2016, с. 32]. В «Тайной доктрине» общность с излагаемой нами концепцией обнаруживается и в представлении материального основания Вселенной, которое у Блаватской обозначается как «закон вихреобразного движения в первоматерии», что созвучно семантике протомонады. В обширнейшем труде, герменевтика которого не входит в нашу задачу, имеется немало и других сходств. Одну корреляцию можно было бы считать случайностью, две — совпадением, три же и более — как известно из опыта — свидетельствуют о закономерности. Каковы бы ни были предубеждения в отношении эзотерической подоплёки «доктрины», явные аналогии с отстаиваемыми в настоящей работе тезисами налицо, и их, безусловно, можно рассматривать как определённого вида верификацию предложенного нами метафизического конструкта.

2. Время

2.1. Дилемма дискретности — непрерывности

Рассмотрение феномена времени начнём с короткой выдержки из фундаментальной работы английского математика и космолога Дж. Уитроу «Естественная философия времени»: «Поскольку сам Мактаггарт понимал, что, если время не может быть объяснено без предположения о времени, и мы отвергаем его утверждение о том, что

это доказывает нереальность времени, единственной альтернативой остаётся рассмотрение времени как окончательной сущности. А это — та точка зрения, к которой мы должны теперь присоединиться» [Уитроу Дж., 2003, с. 373–374]. Но это — та точка зрения, к которой мы не можем присоединиться. Время на самом деле очень близко, если так можно выразиться, к окончательной сущности, но, тем не менее, не является таковой. В действительности, как было показано ранее¹⁰, пространство и время не однородные и не рядорасположенные, как, например, в эйнштейновской ОТО, категории, а диалектически противоположащие друг другу, и их противоположность снимается более глубоким синтетическим различием, обозначенным нами как духовная эссенция. Именно она и является окончательной сущностью, которая, «сворачиваясь» в протомонады, творит и пространство, и время, точнее, одну из компонент времени; пояснение последней ремарки будет дано позже. Если принять резюме английского космолога, касающееся времени, как верное, то легко обнаруживается, что это совершенно ничего не даёт для понимания темпоральности. В частности, никоим образом не проясняется пресловутая контроверза реляционной и субстанциональной точек зрения на время. В отношении упомянутой контроверзы весьма точно следующее замечание: «В самом деле, в физике не строятся теории, где бы время полностью определялось свойствами физической материи, как того требует реляционная концепция времени. Вместе с тем, в физических теориях и речи не идёт о какой-либо особого рода временной субстанции, присутствие которой предполагает субстанциональная концепция» [Шихобалов Л. С., 1997]. Автор совершенно справедливо заключает: «Современная физика, включая теорию относительности, как следует из анализа её исходных положений, не даёт оснований для предпочтения ни реляционной, ни субстанциональной концепции времени. Строго говоря, в физике до сих пор и не поставлен вопрос о том, какая из этих концепций лучше отражает объективную реальность. Детальный философский анализ проблемы времени, проведённый в работах [1, 2]¹¹, тоже свидетельствует, что ныне ни одна из этих концепций не имеет преимуществ перед другой. Между тем, целый ряд принципиальных вопросов, связанных с временем, остается без ответа» [Шихобалов Л. С., 1997]. Но Дж. Уитроу своей философией времени мало чем может помочь в поиске ответов на эти принципиальные вопросы, и для тех же физиков его «окончательная сущность» оказывается совершенно бесполезной. Правда, и с философом МакТаггартом, доказывающим иллюзорность времени, тоже не представляется возможным согласиться. Доказательный формализм философа базируется на анализе трёх видов последовательностей — А, В и С, — исчерпывающе, по его мнению, представляющих время. Вот как он определяет А- и В-последовательности: «Для краткости я буду говорить о последовательности позиций, перетекающих из далёкого прошлого через недалёкое прошлое в настоящее, и далее — из настоящего в недалёкое будущее, а затем — в далёкое будущее, как об А-последовательности. А другую последовательность — последовательность позиций, перетекающих из раньше в позже, — я буду называть В-последовательностью» [МакТаггарт Д., 2019, с. 123]. С-последовательность необходима Дж. МакТаггарту для учёта взаимосвязи между позициями, составляющими А-последовательность, и он определяет её следующим образом: «Но из этого не следует, что если мы вычтем определения А-последовательности из времени, то не будем иметь вообще никакой последовательности. Такая последовательность есть, это серия перманентных отношений одна к другой тех реальностей, которые во времени являются событиями, и именно комбинация этой последовательности с А-определениями даёт время. Но эта другая

¹⁰ Кремень Р. Л. Вращательно-монадная метафизика // Vox. Философский журнал. — 2021. Вып. 33. — С. 104–134.

¹¹ 1. Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике. — М.: Наука, 1977. — 192 с. 2. Молчанов Ю. Б. Проблема времени в современной науке. — М.: Наука, 1990. — 136 с. (Прим. Р. К.)

последовательность (назовём её С-последовательностью) не является темпоральной, поскольку не включает в себя никакого изменения, а только порядок» [МакТаггарт Д., 2019, с. 126–127]. Забегая вперёд, заметим, что аналитика, используемая британским философом, хотя и добротная, но поверхностно-механистичная, характерная для метода науки, но не для метода философии, и, по существу, нерелевантная.

Хотя генезис времени по-прежнему остаётся тайной за семью печатями, тем не менее, это не мешает и учёным, и философам достаточно категорично высказываться о его свойствах, что диалектически мыслящим умом изначально воспринимается с изрядной долей скепсиса. В первую очередь обращает на себя внимание дилемма в пользу дискретности или непрерывности времени. Вот, например, к какому выбору в указанном затруднении склоняется Ли Смолин, рассматривающий проблему через призму теории петлевой квантовой гравитации. «Так же как пространство определяется дискретной геометрией спиновой сети, время задается последовательностью отдельных шагов, которые перестраивают сеть (см. рис. на стр. 55). Таким образом, время тоже дискретно. Время не течёт, как река, а тикает, как часы. Интервал между «тиками» примерно равен времени Планка, или 10^{-43} с. Точнее говоря, время в нашей Вселенной отмеряют мириады часов: там, где в спиновой пене происходит квантовый шаг, часы делают один «тик» [Смолин Л., 2004, с. 54]. Насчёт того, что часов мириады, с этим действительно можно согласиться, поскольку каждая протомонада включает в себе часы. Но хронометраж и время само по себе не одно и то же. Поспешные умозаключения, наделяющие время исключительным атрибутом дискретности, и предание анафеме непрерывности во временном нарративе, как представляется, совершенно не оправданны. Проблема не так проста, как это видится на первый взгляд. Абсолютизацией дискретности времени злоупотребляют не только физики, но и представители философского сообщества. Типичский пример такой абсолютизации мы находим в работе А. В. Кольцова «Динамическая метафизика бытия»¹², где автор излагает — надо заметить, сугубо декларативно — в том числе и свои представления о пространстве и времени. Не заморачиваясь дефинициями первичной субстанции, он сразу обращается к её свойствам: «Следующее важное свойство природы первичной субстанции — её дискретность. Дискретность означает отрицание любых форм непрерывности» [Кольцов А. В.]. Почему же? Всё дело в том, что: «Только к дискретным процессам применима операциональная логика причин и следствий» [Кольцов А. В.]. Логический посыл А. В. Кольцова в этой части железный, как рельс. Известная ему операциональная логика, существовавшая, по-видимому, ещё до сотворения мира, не приемлет непрерывностей, поэтому и мир должен соответствовать упомянутой логике. Оставляем эту причинно-следственную круговерть на совести автора, не касаемся также понятия пространства, а сосредоточимся на его понимании времени. «Что же нового может сказать о времени динамическая метафизика? Прежде всего, время — понятие умозрительное, вторичное по отношению к процессам разворачивания субстанции. Время — понятие, при помощи которого мы описываем субстанциальные объекты, оно не является чем-то внешним по отношению к этим объектам. Каждому субстанциальному объекту можно сопоставить собственное время, единство которого, строго говоря, тоже оказывается лишь приблизительным из-за наличия у всех реальных объектов сложнейшей внутренней субстанциальной структуры. Вот два важных свойства времени, понятого в контексте природы первичной субстанции:

1) Локальность. Выражается в отсутствии единого в мироздании темпа времени; в относительности и потенциальной асинхронности темпов времени у разных

¹² Кольцов А. В. Динамическая метафизика бытия. URL: <http://rodon.org/koltsov/dmb.htm> (дата обращения: 28.08.2022).

субстанциальных объектов. "Времени вообще" — нет, есть множество локальных процессов.

2) Дискретность. Выражается в отрицании непрерывности времени (математическая ось, на которой время измеряется вещественным числом, суть неточная идеализация); в дроблении времени на элементарные акты порождения субстанции, на отдельные причинно-следственные переходы» [Кольцов А. В.].

И далее: «Линейное время складывается из последовательности дискретных действий — элементарных актов, благодаря которым прирастает новая субстанция. Такие акты осуществляются по всему фронту разворачивания субстанции. Длительности промежутков времени, известные нам по опыту эмпирического существования, выводятся из количества элементарных актов в линейных упорядоченных процессах. Сами элементарные акты разворачивания субстанции, разумеется, никакой длительностью не обладают» [Кольцов А. В.]. Аналитика А. В. Кольцова есть компиляция спекуляций, имеющая целью оправдание не имеющей серьёзных оснований реляционной концепции.

Чтобы в своей критике не быть голословным, покажем внутреннюю противоречивость сугубо дискретного времени. Для этого напомним прежде, как наглядно представляются в научных дисциплинах изменяющиеся количественно в зависимости от времени физические характеристики. В виде графиков, где ось абсцисс, обозначаемая обычно буквой t , с нанесёнными делениями-«зарубками» — шкалой, — и отображает графически неумолимое время. Но такое изображение, принятое во всём мире, не вполне адекватно фактуре времени, рисуемой упомянутыми непосредственно выше авторами в соответствии с исповедуемой ими концепцией дискретности в её крайней форме. Правильней было бы, согласно этой концепции, устремлённую своим острием в бесконечность ось, заключающую в себе идею непрерывности, элиминировать, оставив шкалу «висящей в воздухе», поскольку никакой непрерывности времени — по разумению упомянутых авторов — не существует, а существуют лишь «квантовые шаги в спиновой пене», или мгновенные «элементарные акты по всему фронту разворачивания субстанции», о моментах коих как раз и информируют нас деления шкалы. В промежутках же между «зарубками», как можно заключить, всё обездвиживается. Допустим, что это так. Тогда получается, что между «шагами», или «актами», подвигающими субстанцию прирастать, наступает некоторый интервал безвременья. Как в известной сказке, где заколдованные персонажи замирают в неестественных позах. Вот уж действительно, «распалась связь времён», да так, что Шекспиру и не снилось. На несоответствие вошедшего в обиход графического представления времени с его дискретной модификацией мы обратили внимание не потому, что это имеет какое-то значение, а лишь с целью наглядно продемонстрировать сущностные паузы модифицированного изображения, что, в свою очередь, позволяет сформулировать следующие вопрошания. Кто или что понуждает мироздание пробуждаться от «летаргического сна», в который оно впадает в промежутках между «элементарными актами»? Как очередной «акт» может наступить в принципе, если время останавливается, хотя и временно, как ни забавно и в то же время парадоксально это звучит? Предположение о «гегемонии» темпоральной дискретности породило, таким образом, своеобразную апорию, из чего следует вывод о ложности такого допущения. Время не укладывается в прокрустово ложе дискретности и без непрерывных дифференциаций чревато противоречиями. Само понятие дискретности, если проследить его генетические предпосылки, возникло как трансформационный модус непрерывности, и только на фоне непрерывности, как отрицающей её спецификации, возможна её исчерпывающая дефиниция. Дискретность — это принцип, или универсум, лежащий в основании сущего,

но генезис этого универсума укоренён в непрерывности, уходящей в метафизическую действительность, что и послужило причиной игнорирования непрерывности, как и многого другого, связанного с метафизикой, а в конечном счёте и с *Бытием*. Дискретность и непрерывность — это сочетающиеся диалектические оппозиции, дополняющие друг друга во взаимном отталкивании, посредством которых актуализируется времяящая действительность, где непрерывность сокрыта от наблюдения в метафизическом мире, а дискретность проявлена в явном виде в физическом мире. Разделение указанных миров, конечно же, условное. Нет физического мира, отдельного от метафизического. Мир един. Соответственно, постижение действительности в её последней глубине невозможно без привлечения метафизического аспекта, в том числе проблематично уразумение релевантной естественно-научной картины Вселенной. Последняя ремарка обусловлена имеющими место, скажем так, методологическими блужданиями и шатаниями в естествознании. Тот же Ли Смолин, формулируя принципы, которым следует, по его разумению, придерживаться учёному, чтобы конструктивно решать стоящие перед физикой задачи, призывает, исходя из превратно понимаемого им принципа фальсифицируемости, как раз к противоположному. Он прямым текстом предостерегает своих коллег по цеху от всевозможных метафизических предположений и предлагает при разработке физических теорий не строить логические цепочки, выходящие за пределы эмпирически проверяемых гипотез. Подобный взгляд, как представляется, безоснователен.

Итак, мы показали, что метафизический базис времени непрерывный, что не мешает его онтической, суть физической, надстройке объективироваться как времяящей дискретно, поскольку в указанной надстройке действие непрерывного времени опосредуется пространственными материальными структурами, которые, как и само пространство, сугубо дискретны, и дискретным же образом проявляется присущая природе темпоральность. Онтическое время действительно не плавно текущее, а «тикающее», что подтверждается всем опытом квантовой физики. Его ход на самом деле подобен скачкам секундной стрелки механических часов. Но надо иметь в виду, что так же как за «дискретным фасадом» обычных часов скрывается действующая непрерывно пружина, так под квантовой поверхностью материи упрятана её непрерывная метафизическая начинка. Именно неразличением этих двух сторон темпоральности в недифференцированном континууме просто-времени объясняется известная апория Зенона «Летающая стрела», которая гласит: «Летающая стрела неподвижна, так как в каждый момент она покоится, а поскольку она покоится в каждый момент времени, то она покоится всегда». Рассуждение, содержащееся в апории, воспринимается многими не более как софизм, хотя возразить логике древнегреческого философа этим «многим» по сути нечего. В реальности, как ни парадоксально это выглядит на первый взгляд, дело обстоит именно так, как утверждает Зенон. В самом деле, поскольку онтическое время дискретно, то и элементарное дискретное перемещение в пространстве, в данном случае стрелы, происходит скачкообразно (мгновенно) в дискретных точках временной оси. В промежутках же между условными точками стрела остаётся неподвижной. Но как раз из этих промежутков и складываются в конце концов временные интервалы, характеризующие траекторию движения, поскольку сами точки представляют собой границы промежутков и длительности, соответственно, не имеют. Непосредственно движение как таковое времени не занимает. Стрела действительно «покоится всегда», а кажущаяся парадоксальность объясняется наивностью сложившихся дефиниций движения, которые требуют более содержательной артикуляции. Совокупность введённых ранее метафизических разграничений позволяет отрефлексировать следующие вопрошания. Откуда берётся та времяящая метафизическая сущность, обозначенная

нами как духовная эссенция, составляющая основание всего сущего? Что является её источником? Ответ очевиден — метафизическое пространство. Мы имеем Вселенную, которая не «висит в воздухе», а некоторым образом встроена в *Бытие*. Проявляющееся дискретно онтическое время — наряду с пространственно-материальными структурами — обусловлено, как мы показали ранее, непрерывной внутрипротономатной циклической динамикой духовной эссенции. Поэтому оно время можно поименовать ещё и как внутреннее, и как циклическое. Но этими различиями время вовсе не исчерпывается. Если допустить, что действительность времени определяется исключительно циклическим движением, то Вселенная с таким закольцованным временем предстала бы как некая извечно повторяющаяся, не имеющая ни начала, ни конца система, таким «днём сурка», что явно не согласуется с эмпирикой. Естественный ход рассуждений подвёл нас к другому аспекту времени — линейному, что в физико-философской литературе принято именовать осью времени, или стрелой времени, и где актуализируется проблема направленности времени. Так как дефинициями онтического, сиречь внутреннего времени, линейность исключена, то мы вправе заключить, что генезис линейной компоненты времени имеет внешний по отношению к материальной Вселенной порядок. Но в отличие от большинства спекуляций, касающихся стрелы времени, наше заключение не носит черты произвольности, поскольку в общей диспозиции излагаемой концепции налицо онтологическая основа линейного времени — метафизическое пространство. Линейное, оно же внешнее время необходимо, так как в противном случае циклическая составляющая времени лишается своих каузальных корней и выглядит неизъяснимой случайностью. Конституированное нами линейное время есть суть абсолютное время, в противовес относительному внутреннему времени. Позиция, отвергающая существование «времени вообще» и считающая время умозрительным понятием, представляется в корне ошибочной.

2.2. Интервальное Настоящее

Одним из первых, кто попытался логически строго доказать, имеет ли время отношение к реальности, был уже упоминавшийся ранее британский философ Дж. МакТаггарт. В своём доказательстве он использовал наиболее очевидные референты времени — прошлое, настоящее и будущее, что было, безусловно, верном посылом. Но используемые им дефиниции указанных временных модусов оказались весьма произвольными и нестрогими, о чём можно судить, например, из следующей цитаты. «Поскольку время представляется нам *prima facie*¹³, то позиции во времени делятся двумя способами. Каждая позиция является более Ранней или более Поздней, чем другие позиции. И каждая позиция является или Прошлой, или Настоящей, или Будущей. Различения в первом классе являются перманентными, а во втором таковыми не являются. Если М в любом случае является более ранней, чем N, то она такова всегда. Но событие, являющееся в данный момент настоящим, было [когда-то] будущим и будет [когда-то] прошлым. Поскольку различения первого класса являются перманентными, то их можно было бы считать более объективными и более существенными для природы времени. Но я полагаю, что это ошибка, и что различие между прошлым, настоящим и будущим является не менее существенным для времени, чем различие раньше/позже, и в определенном смысле, как мы увидим, его можно считать более основательным, чем различие раньше/позже. И мой вывод о нереальности времени основан именно на том, что различия между прошлым, настоящим и будущим кажутся мне более существенными для времени» [МакТаггарт Д., 2019, с. 123]. В итоге МакТаггарт

¹³ *Prima facie* — первый взгляд (лат.); прим. К. Р.

констатирует парадоксальность времени: «Каждое событие является в одно и то же самое время в будущем, в настоящем и в прошлом.

Поэтому отношения, составляющие А-последовательность, должны быть отношениями событий и моментов к чему-то, что не лежит во временной последовательности. Трудно сказать, чем это «что-то» может быть. Впрочем, мы и без того имеем ещё более очевидную проблему.

Прошлое, настоящее и будущее являются несовместимыми определениями. Каждое событие должно быть тем или иным, и каждое событие не может содержать больше одного события. Это существенно для значения этих термов. И если бы это было не так, то А-последовательности было бы недостаточно для того, чтобы в сочетании с С-последовательностью дать нам в результате время. Ведь время, как мы поняли, включает в себя изменение, а единственным изменением, которое мы можем получить, является изменение будущего на настоящее и настоящего на прошлое.

Поэтому данные характеристики несовместимы. Но каждое событие имеет все эти характеристики. Если [событие] М — прошлое, значит, оно было настоящим и будущим. Если оно — будущее, то будет настоящим и прошлым. Если оно — настоящее, то оно было будущим и будет прошлым. Таким образом, все эти три несовместимых термина являются предикативными (predicable) к каждому событию, что с очевидностью не совпадает с их несовместимостью, как не совпадает и с тем, что они продуцируют изменение» [МакТаггарт Д., 2019, с.132]. Из выявленной противоречивости трёх измерений времени британский философ делает вывод о нереальности времени. Быть может, в его доказательстве заключен паралогизм? Нет, логика автора достаточно последовательная. Проблема в другом. Нетрудно видеть, что позиции, характеризующие предикатами прошлого, настоящего, и будущего и составляющие временные последовательности, жёстко детерминированы. Время как бы течёт, но ни на что при этом не влияет. Все события в таком представлении известны заранее, а вся история мира в таком как бы времени задана наперёд. Так что что же тогда доказал МакТаггарт? Лишь то, что используемые им последовательности не валидны и не соотносятся с действительной природой времени, которое в его нарративе мимикрировало в свою полную противоположность — статичную вечность. Какой вывод следует сделать из опыта английского философа? Прежде чем становиться на зыбкий лёд спекуляций, связанных с временем, следует обстоятельнее отразить категории прошлого, настоящего и будущего, установить их смысл, взаимообусловленность и связь между ними.

Справедливости ради следует заметить, что сам МакТаггарт не относился к своему логическому «экзерсису» о времени как к истине в последней инстанции и не делал далеко идущие выводы из своего доказательства, в отличие от многих, ссылающихся на его «Нереальность Времени». Так, в заключении он отмечает: «Впрочем, вопрос о том, действительно ли существует объективная С-последовательность, следует оставить для дальнейших обсуждений. Слишком уж много вопросов возникает, когда мы отрицаем реальность времени. Если такая С-последовательность есть, то являются ли позиции в ней просто несводимыми фактами или они детерминированы изменчивыми величинами некоего качества (в объектах, занимающих эти позиции), являющегося общим для них всех? И если так, то что такое это качество, и определяет ли бóльшая величина этого качества вещи как более поздние, а меньшая — как более ранние; или правильно будет наоборот? Что касается решения данных вопросов, то вполне возможно, что все наши надежды и упования по поводу универсума будут зависеть от нашего подтверждения или отрицания этих вопросов» [МакТаггарт Д., 2019, с. 137]. Экспликацию общей картины времённости начнём с рассмотрения одного из трёх упомянутых выше её модусов —

Настоящего, и первый тезис в отношении последнего, который мы намерены защищать, следующий. Настоящее имеет протяжённость, иначе говоря, настоящее — это ограниченный интервал. Такое умозрение следует из элементарной силлогистики. Действительно, если допустить, как это делается во многих нарративах, касающихся времени, что Настоящее — это лишь мгновение, точка на временной оси, то само это допущение автоматически элиминирует Настоящее, поскольку невозможно созерцать то, что не имеет длительности. Но признание Настоящего интервалом ничуть не облегчает понимание времённости, а скорее наоборот, усложняет его, так как это означает, что Настоящее включает в себя некий упорядоченный ряд или, если прибегнуть к формализму МакТаггарта, последовательность, где одни позиции по отношению к другим расположены «слева», а другие «справа», т. е. внутри Настоящего имеем дихотомическое разделение на Раньше/Позже. Но что означает различие Раньше и Позже? Раньше — это иное обозначение Прошлого, а Позже — соответственно, Будущего, а значит, Настоящее некоторым образом включает в себя «чуть-чуть» и Прошлого, и Будущего, которые к тому же перманентно видоизменяются. Наиболее «старые» позиции прошлого внутри Настоящего постепенно становятся окончательным, или безоговорочным Прошлым, другие продолжают поддерживать некоторое Настоящее, но весомость их становится иной. То же самое относится к позициям будущего внутри Настоящего. Несмотря на антиномичность созерцаемого нами интервального Настоящего — для герменевтики которого у нас пока нет достаточных содержательных оправданий, но которые мы намерены получить в дальнейшем, — заключение о Настоящем, имеющем некоторую длительность, даёт нам основание для предварительных выводов по фундаментальной проблеме целостности временного континуума. Уже сам факт, что внутри Настоящего, схватываемого рассудком как целостность, мы различаем упорядоченную последовательность, указывает на то, что позиции последовательности — не случайные и изолированные элементы, а единая внутренне связанная структура, что не является открытием для поэтов и писателей, которые эту целостность чувствуют интуитивно, о чём можно судить по имеющим негативный оттенок фразеологизмам: «порвалась дней связующая нить», «распалась связь времён» и тому подобных. Именно кажущаяся парадоксальность и представляющиеся неразрешимыми трудности интервального Настоящего отталкивали, как представляется, от него многих исследователей, и они попадали в ловушку двух альтернатив, Настоящее — это или мгновение, или человеческая иллюзия, как и сама времённость, что равносильно отрицанию и Прошлого, и Будущего, и утверждению неизменного и вечного Настоящего, которое только человеку кажется динамичным. Но указанные альтернативы, как нетрудно заметить, суть две крайние версии всё того же интервального Настоящего, имеющего в первом случае нулевую протяжённость, а во втором — бесконечную, и нет никаких веских аргументов, почему следует предпочесть один из предельных вариантов общему случаю.

Суждение, отрицающее время как реальность и сводящее времённость к вечному Настоящему, расщепление которого на Прошлое, Настоящее и Будущее якобы обусловлено сугубо психологическими отправлениями, очень старо. Попытки обоснования указанной позиции можно найти уже у древних греков. Так, томский писатель В. Колупаев, хорошо ориентировавшийся в древнегреческих натурфилософских школах, следующим образом резюмирует означенное умозрение: «Значит, Время выступает как бы в двух ипостасях: взгляд на время из временного мира даёт нам лишь модель динамического времени, которое течёт из прошлого через настоящее в будущее, определяя череду возникновений и уничтожений, а взгляд на время из вневременного мира даёт нам статическую «пространственно-подобную» модель времени, в которой можно единым взглядом охватить целиком прошлое, настоящее и будущее. Собственно,

в статической модели подобное членение теряет смысл — целокупный мир дан весь и сразу» [Колупаев В., 2007, с. 72–73]. В подобных представлениях греки исходили из интуиции о божественном начале мира, в котором изначально всё прописано, «что было, что будет, чем сердце успокоится», а проблематичным является ограниченное человеческое существо, не способное охватить божественный замысел целиком и вынужденное поэтому воспринимать мир последовательно. Придерживающиеся такой точки зрения, однако, сталкиваются с непреодолимой трудностью, поскольку не состояниии ответить на главный вопрос: каким образом статичный вневременной мир оборачивается своей полной противоположностью — миром динамичным? Задача генезиса времени становится неразрешимой. Противоположная точка зрения на времённость, в которой Настоящее есть лишь мгновение, наоборот, актуализировалась относительно недавно, с началом научной революции, у истоков которой стояли Кеплер и Галилей. Впрочем, сами физики, использующие в своих теоретических построениях понятие времени, вообще не оперируют разграничениями Прошлого, Настоящего и Будущего и уж тем более дифференциациями Настоящего. В большей своей части они даже не подозревают, с каким Настоящим они имеют дело, и что можно мыслить какое-то иное Настоящее, кроме отображаемого с помощью условной точки на условной временной оси и квалифицируемого нами как мгновенное. Только самые глубокомысленные смутно догадываются, что Настоящее, как и времённость в целом, содержит в себе какую-то тайну. Любопытной в данном контексте представляется ремарка, которую мы находим в книге Ли Смолина «Возвращение времени»: «Мы знаем об этом из “Интеллектуальной автобиографии” Рудольфа Карнапа. Тот пересказывает беседу с Эйнштейном: однажды Эйнштейн сказал, что проблема понятия “сейчас” его всерьёз волнует. Он пояснил, что “сейчас” имеет для человека какой-то особенный смысл, чем-то принципиально отличается от прошлого и будущего, но что это важное различие не отражается и не может быть отражено в законах физики. То, что эта особенность не может найти своё место в науке, представлялось ему требующим болезненных, но неизбежных перемен» [Смолин Л., 2014, гл. 7]. Категория времени в естествознании до сих пор остаётся неотрефлексированной, что является, возможно, одним из главных препятствий, сдерживающих его развитие. О наивности естественно-научного взгляда на время, принимаемого при этом за верх объективности, можно судить по следующей выдержке, в которой в концентрированной форме отражено основное заблуждение, касающееся времени, распространённое среди учёных-естественников. «Лейбниц спрашивал: “Почему Вселенная родилась именно в тот момент, а не 10 минутами позднее?” И отвечал: нет никакого резона отдать предпочтение этой Вселенной, а не той, в которой всё происходит с опозданием на 10 минут. Относительное время будет одинаковым в обеих Вселенных, лишь абсолютное время будет различаться. Но в природе известно только относительное время. Следовательно, рассуждал Лейбниц, если нет причины для Вселенной родиться в один момент абсолютного времени, а не в другой, абсолютное время не имеет смысла. Я принимаю доводы Лейбница, и везде, где разговор идет о времени, я имею в виду относительное время. Хотя мы можем предположить существование трансцендентного мира с абсолютным временем, нам доступно лишь относительное время» [Смолин Л., 2014, гл. 3].

Парадигмальная установка в естествознании в отношении времени базируется, как выясняется, на эмпиризме. Но эмпиризм недалёк, поскольку замечает только феноменологическую сторону, метафизическая же подоплёка от него ускользает. Но суть в том, что времённость полностью погружена в умозрительную метафизику, и постичь её без отвлечённого момента не представляется возможным. В повседневной жизни мы часто используем выражение «время идёт», но мало кто задумывается, что это значит.

Необходимо содержательно эксплицировать это представляющееся *prima facie* явление? Мы уже прошли некоторый путь в этом направлении, когда разбирали структуру времени, и пришли к выводу о необходимости абсолютного времени, которое обозначили как линейное. Именно с линейной составляющей — стрелой времени — мы и связываем так называемый ход времени. Однако не следует упускать из виду, что вре́менность в целом представлена суперпозицией линейной и циклической составляющих, причём последнюю мы созерцаем не только умозрительно, но и в некотором роде экзистенциально. Когда хотят подчеркнуть, что там-то и там-то ничего не меняется, употребляют выражение «время (здесь) как будто бы остановилось». Конечно, можно посчитать это фигурой речи. Однако время действительно обладает свойством не только «идти», оно может и «стоять». И это надо понимать не в том смысле, что время исчезает, а в смысле, что в таком времени преобладает циклическая компонента, и проявляется это так, что в Настоящем воспроизводится преимущественно Прошлое. В случае доминирования линейной составляющей Настоящее вбирает в себя преимущественно Будущее, и тогда говорят, что «время летит». Другой ракурс тезиса двухкомпонентного времени, посредством которого означенная истина становится возможно более наглядной и, быть может, легче присваивается, открывается в теме, которую можно обозначить как *изменение и повторение*. Эмпирика, заключающаяся в том, что все формы окружающей действительности представляют собой процессы, сочетающие в себе, в той или иной пропорции, повторение и изменение, косвенным образом служит подтверждением артикулированного нами тезиса. Тему *изменения и повторения* развёрнуто раскрыл в своей книге «Различие и повторение»¹⁴ французский философ Жиль Делёз, где он настаивает, что повторение — не более чем модус различия (изменения). Если смотреть через призму определённой смысловой максимы, это действительно так, что особенно наглядно видно в настоящем нарративе двухкомпонентного времени, линейного (абсолютного), ассоциируемого с изменением, и циклического (относительного), ассоциируемого с повторением. С другой стороны, надо понимать, что материальность как таковая, с её ограниченной пространственной метрикой (трёхмерной), без циклической составляющей попросту невозможна. Циклическое время — суть онтологический способ удержания прошлого в его материальной фактичности. Существование нашего мира, таким образом, с необходимостью обусловлено как линейным, так и циклическим временем. Время с мгновенным Настоящим, утвердившееся в естественно-научных формализмах, позволяет рассчитывать, т. е. предсказывать будущее пространственное положение материальных объектов. На основании этого факта физики заключили, что Будущее можно «вычислять», что оно, в общем-то, известно заранее и строго детерминировано. В некотором смысле оно уже наступило, оно уже здесь. Такое время Ли Смолин называет «замороженным». На поверку получается, что между предельными позициями, одна из которых отрицает время вообще и утверждает одно вечное Настоящее, а другая сужает Настоящее до точки, нет существенной разницы. И там, и там мир дан весь и сразу. Крайности, что называется, сошлись. Ли Смолин отдаёт себе отчёт, что «замороженное» время во многих аспектах не согласуется с опытом, но как подступиться к неуловимому времени, он не знает. Пытаясь «разморозить» время, Ли Смолин пробует приложить к физике эволюционистские идеи, несмотря на то, что эволюционизм как таковой уже предполагает время. В конце концов он подменяет вре́менность некими законами эволюции, однако попадает при этом в замкнутый круг рекурсии, поскольку возникает вопрос о других законах, регулирующих эти некие законы, а затем законов, подлежащих другим законам, и так до бесконечности.

¹⁴ Делёз Ж. Различие и повторение. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 384 с.

2.3. Прошлое и Будущее

Развёрнутый и глубокий анализ так называемых временных измерений — Прошлого, Настоящего и Будущего — дал французский философ Жан-Поль Сартр в книге «Бытие и ничто». Дальнейшее рассмотрение временности предварим цитатой из его монографии. «Временность (la temporalité) есть очевидно организованная структура, и так называемые три "элемента" времени — прошлое, настоящее, будущее — не следует рассматривать как собрание "данных", которые должны составить сумму, например, бесконечный ряд "теперь", в котором одних ещё нет, других уже больше нет, но как структурированные моменты первоначального синтеза. Иначе мы с самого начала получим парадокс: прошлого больше нет, будущего ещё нет, что же касается настоящего момента, то каждый хорошо знает, что его совсем нет, он является границей бесконечного деления, как безразмерная точка. Таким образом, весь ряд уничтожается, притом вдвойне, поскольку будущее "теперь", например, есть ничто, поскольку будущее реализуется в ничто, когда оно перейдёт в состояние настоящего "теперь". Единственно возможный метод исследования временности заключается в том, чтобы приступить к её рассмотрению как к целостности, которая доминирует над своими вторичными структурами и придаёт им значение. Это мы никогда не будем терять из виду. Тем не менее мы не можем начать изучение бытия Времени, не разъяснив предварительно посредством феноменологического и доонтологического описания очень часто затемнённый смысл этих трёх измерений. Нужно только рассматривать это феноменологическое описание как предварительную работу, целью которой является лишь подвести нас к интуиции глобальной временности. И особенно следует добиваться, чтобы каждое рассматриваемое измерение появилось на фоне временной целостности, сохраняя всегда в памяти "Unselbstständigkeit"¹⁵ этого измерения» [Сартр Ж.-П., 2000, с. 137]. У Сартра одной из главных предпосылок в его анализе временности является интуиция целостности временного континуума, где Прошлое и Будущее некоторым образом группируются вокруг Настоящего, которое, осуществляя свой «бег», само меняется на ходу. Получается, что Настоящее по значимости не равноценно Прошлому и Будущему, не стоит с ними в одном ряду, более того, оно некоторым образом упорядочивает и Прошлое, и Будущее. Чем же предопределяется трансформация Настоящего, что им движет? Или, обращаясь к витальной лексике, поставим вопрос по-другому: чем подпитывается Настоящее, чем оно живёт? Ответ Сартра, основанный на проделанном им рефлексивном анализе, в лаконичном виде прост: Прошлым и Будущим! Точнее, некоторым их симбиозом, в котором Настоящее, перманентно прощаясь с Прошлым, перманентно же находится в ожидании Будущего. Эксплицируемое нами Настоящее, таким образом, является весьма нетривиальной структурой, и ему тесно в прокрустовом ложе мгновенного Настоящего. Хотя последнее, как это не покажется поначалу не согласующимся с декларированным в предыдущем предложении, тоже представлено в реальности, что для настоящего нарратива с сугубо формальной стороны вполне приемлемо, поскольку ранее мы показали, что мгновенное Настоящее — это один из предельных случаев интервального Настоящего, у которого интервал выродился в бесконечно малую величину. Зададимся вопросом, чего лишается интервальное Настоящее, ужавшееся до точки? Во-первых, такое Настоящее лишено Прошлого, в том смысле, что оно не помнит себя, оно беспамятно. И во-вторых, оно ничего не ждёт от Будущего, потому что оно даже не подозревает возможность Будущего. Спрашивается, существуют ли такие субстанции, которые несут на себе печать мгновенного Настоящего, и где мы можем их наблюдать? Оказывается, с такими субстанциями мы встречаемся

¹⁵ Unselbstständigkeit (нем.) — несамостоятельность; прим. Р. К.

сплошь и рядом. Именно такие субстанции остаются предметом физики и других естественных наук, и знаем мы о них по наблюдениям неживой природы. К ним относится всё множество объектов, начиная с невидимой элементарной частицы и кончая ярчайшей кометой на небосклоне. Могут спросить: «Так всё же, с каким Настоящим мы имеем дело в действительности?» На что мы будем вынуждены задать встречный вопрос: «О чьём Настоящем идёт речь?» Кому-то, наверное, подобное пикирование вопросами покажется преднамеренной софистикой, но как станет ясно из дальнейшего, для подобных вопросов у нас имеются веские основания.

Обратимся снова к Сартру: «Именно через для-себя¹⁶ прошлое приходит в мир, поскольку его "Я есть" находится в форме: "Я есть сам".

Что же, однако, означает "было"? Мы видим вначале, что это переходный глагол. Если я говорю: "Поль является усталым", вероятно, можно оспаривать, что связка имеет онтологическое значение. Может быть, захотят здесь видеть только указание на присутствие усталости. Но когда мы говорим: "Поль был усталым", сущностное значение "был" бросается в глаза. Настоящий Поль теперь ответствен за то, что в прошлом имел эту усталость. Если бы он не поддерживал эту усталость в своем бытии, не было бы даже забвения этого состояния, но "больше-небытие", строго тождественное с "небытием". Усталость была бы *потеряна*. Настоящее бытие является, следовательно, основанием своего собственного прошлого; и именно такой характер основания обнаруживает это "было". Но нельзя полагать, что оно его основывает безразличным образом, не изменяясь глубоко в бытии; "было" означает, что настоящее бытие должно быть в своем бытии основанием своего прошлого, само являясь этим прошлым. Что же это значит? Как настоящее может *быть* прошлым?

Суть вопроса заключается, очевидно, в понятии "было", которое, служа посредником между настоящим и прошлым, не есть само ни совсем настоящее, ни совсем прошлое. Оно, в самом деле, не может быть ни тем, ни другим, поскольку в этом случае оно содержалось бы внутри времени, которое указывало бы на его бытие. Понятие "было" обозначает, следовательно, онтологический скачок из настоящего в прошлое и представляет первоначальный синтез этих двух видов временности. Что следует понимать под этим синтезом?

Вначале я вижу, что понятие "было" означает способ бытия. В этом смысле я *есть* свое прошлое. Я не имею его, я им являюсь; то, что мне говорят, касается действия, которое я совершил вчера; настроение, которое у меня было, не оставляет меня равнодушным: я оскорблен или польщён, я возмущён или не обращаю внимания на то, что говорят, я поражён до глубины души. Я не отмежевываюсь от своего прошлого» [Сартр Ж.-П., 2000, с. 144]. Даже предварительное рассмотрение и только Прошлого, осуществлённое Сартром при анализе времени, по значимости можно поставить в один ряд с «коперниканским переворотом» в естествознании, потому что в гносеологическом фокусе временной проблематики оказывается феномен, который в постмодернистскую эпоху почти полностью выпал из натурфилософского дискурса. Имеется в виду феномен сознания. Последовательно и обстоятельно Сартр подводит нас к мысли, что первичным образом время обнаруживается как атрибут сознания и только вторичным соотносится с феноменологической реальностью. На первых порах такой поворот ошеломляет. Особенно обескураживающе это должно быть для учёного-естествоиспытателя, пытающегося обнаружить какую-то временящую субстанцию или какие-то физические референты времени в материальных объектах и убеждённого, что таковые есть; в точности как в меме про суслика, которого не видно, но который есть. Получается, что

¹⁶ Для-себя — сознание; прим. Р. К.

ищет он не там и не то. Положение такого учёного чем-то напоминает положение героя известной сказки, получившего приказ царя: «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Выясняется, что как только в круг рассмотрения попадает *сознание*, и не как побочная или случайная субстанция или некий модус материи, а как необходимая и онтологически первичная действительность, то тотчас снимаются все антиномии и парадоксы времени, которые препятствуют присвоению истины времённости, в том числе антиномия интервального Настоящего, констатированная нами выше. Оказывается, что способностью удержания Прошлого и Будущего в Настоящем наделено лишь *сознание*, представляющее собой самостоятельный «способ бытия». «Прошлое есть только для настоящего, которое не может существовать, не будучи там, позади себя, своим прошлым, то есть лишь те существа имеют прошлое, в бытии которых ставится вопрос об их прошлом бытии, которые имеют в бытии своё прошлое» [Сартр Ж.-П., 2000, с. 143]. Обнаруживается, что проблема времённости непосредственно связана с рефлексией субъектности, служит общим началом объектно-субъектных разграничений и различий.

Что же составляет квинтэссенцию Прошлого? На этот вопрос Сартр отвечает следующим образом. «Остаётся исследовать сам способ, по которому для-себя "было" своим прошлым. Итак, известно, что для-себя появляется в первоначальном действии, которым ничтожится в-себе, чтобы основать самого себя. Для-себя является своим основанием, поскольку оно отделяется от в-себе, чтобы быть собой. Но тем не менее оно не в состоянии освободиться от в-себе. Превзойдённое в-себе остаётся и преследует для-себя как свою первоначальную случайность. Оно не может никогда достичь его и схватить как *являющееся* тем или этим, но оно не может также воздержаться от того, чтобы быть на расстоянии от себя, каким оно есть. Эта случайность, эта тяжесть на расстоянии от для-себя, которым оно никогда *не является*, но которое оно имеет в бытии как тяжесть, пройденную и сохранённую в самом переходе, и является как раз *фактичностью*, но это есть также прошлое. Фактичность и прошлое — два термина для обозначения одной и той же вещи. В самом деле, Прошлое, как Фактичность, и есть та неуязвимая случайность в-себе, которую я имею в бытии без всякой возможности не быть ею. Это и есть неумолимая необходимость факта, не в качестве необходимости, но в качестве факта. Это бытие факта, которое не может определять содержание моих мотивов, но которое их переносит из своей случайности, поскольку они не могут ни ликвидировать последнюю, ни заменить. Напротив, это бытие факта есть то, что мои мотивы с необходимостью несут с собой, чтобы его видоизменить, сохраняя, чтобы его избежать, то, что они имеют в бытии в самом их усилии не быть им, исходя из чего они и выступают тем, чем они являются. Именно отсюда и происходит, что в каждый момент я *не являюсь* дипломатом или матросом, что я преподаватель, хотя я могу лишь играть в это бытие, не будучи никогда в состоянии с ним соединиться. Если я не могу возвратиться в прошлое, то это не из-за какого-то магического свойства, которое его делает недостижимым, но просто потому, что оно в-себе, а я для-себя; значит прошлое есть то, чем я являюсь, не имея возможности им существовать. Прошлое есть субстанция. В этом смысле картезианское *cogito* должно скорее формулироваться так: "Я мыслю, следовательно, я был". Что вводит в заблуждение, так это кажущаяся однородность прошлого и настоящего. Стыд, который я испытал вчера, был для-себя, когда я его испытывал. Однако полагают, что он остался для-себя сегодня, и ложно заключают, что если я не могу к нему возвратиться, то значит его больше нет. Нужно перевернуть отношение, чтобы получить истину: прошлое и будущее абсолютно разнородны, и если я не могу войти в прошлое, то это потому, что оно *есть*. И единственный способ, каким я мог бы быть прошлым, — это быть самим собой в-себе, чтобы погрузиться в него в форме тождества; но именно это для меня

невозможно в принципе» [Сартр Ж.-П., 2000, с.148–149]. Прошлое — это последовательность свершившихся событий, выстроившихся в раз и навсегда заданный ряд, с которым ничего уже не поделаешь. Что-либо изменить в означенной последовательности, застывшей как монумент, невозможно. Она в некотором смысле уже вне времени, так как время подразумевает изменения. Номинатив Прошлое и означает по сути пребывание за бортом времени. Сартр именуется такое бытийное состояние фактичностью. А что же есть Будущее? «Сейчас мы лучше подготовлены, чтобы поднять вопрос о Будущем в его бытии, поскольку это Будущее, которое я имею в бытии, есть просто моя *возможность* присутствия к бытию по ту сторону бытия. В этом смысле Будущее строго противоположно Прошлому. В самом деле, Прошлое является просто бытием, которое я имею вне себя, но это бытие, которым я являюсь без возможности им не быть. Именно это мы и назвали: быть своим прошлым *позади* себя. Будущее, которое я имею в бытии, напротив, таково в своем бытии, что я только *могу* им быть, ибо моя свобода подтачивает его снизу. Это значит, что Будущее конституирует смысл моего настоящего Для-себя как проект его возможности, но оно ни в коем случае не предопределяет мое приходящее Для-себя, поскольку Для-себя всегда заброшено в ничтожащую обязанность быть основанием своего ничто. Будущее только заранее набрасывает план, в котором Для-себя будет осуществлять бегство от бытия к другому будущему. Оно есть то, чем я был бы, если бы не был свободен, и то, что я могу *иметь в бытии* только потому, что я свободен» [Сартр Ж.-П., 2000, с. 158].

Итак, Будущее — это возможность, точнее, спектр возможностей, между которыми субъект осуществляется выбор того, чего ему недостаёт. Будущее имеет смысл только в отношении самосознающего субъекта, сознание которого из Прошлого и Будущего перманентно творит новое Настоящее. Сартр замечает, что Прошлое и Будущее не просто отличны друг от друга, они противоположны друг другу. Следует добавить: противоположны диалектически, так как одно исключает другое: Прошлое единственно и неизменно, Будущее множественно и вариативно, а их синтез даёт Настоящее. Прошлое, Будущее и Настоящее, таким образом, представляют собой диалектическую триаду. Последнее уточнение существенно, поскольку диалектический метод позволяет отсеять нерелевантные силлогические конструкции при анализе времённости. К оным можно отнести и упомянутое ранее доказательство МакТаггарта, утверждающее нереальность времени. Из содержательной дифференциации трёх измерений времени окончательно проясняется, в чём конкретно состоит ошибка британского философа. Используемые им последовательности, как выясняется, не отражают природу времени в целом, а касаются исключительно Прошлого, которое, исходя из упрощённого представления о времённости как однородной структуре, экстраполируются на Настоящее и Будущее. Некоторая доля правды в доказательстве МакТаггарта всё же имеется. Прошлое действительно не подвержено времени, если не считать намеренное искажение Прошлого, обусловленное корыстными побуждениями. В обыденной жизни мы нередко слышим выражение: «Будущее покрыто мраком». Смысл означенной сентенции понятен. Имеется в виду, что повлиять на происходящее, на Будущее нам не дано. В действительности же, если и есть в этом мире что-то, что в какой-то мере зависит от нас, так это Будущее, и воплощение желаемого Будущего относится к исключительной компетенции Настоящего. Герменевтика последнего базируется у Сартра на понятии *присутствия*, в детали которого мы не имеем возможности вдаваться. Обратим внимание лишь на следующую ремарку в его анализе Настоящего. «Бытие, которое присутствует по отношению "к...", не может, следовательно, быть в покое "*в-себе*", в-себе не может быть настоящим, как оно не может быть и прошлым: оно просто *есть*. Не может быть и вопроса о какой-либо одновременности одного в-себе с другим в-себе, за исключением точки зрения бытия, которое было бы сопresentствующим с обоими в-себе и имело бы в самом себе

способность присутствия. Настоящее, следовательно, может лишь быть присутствием «Для-себя к бытию-в-себе» [Сартр Ж.-П., 2000, с. 151]. Здесь мы находим у Сартра в некотором роде новое прочтение известного момента из общей теории относительности (ОТО). Из эйнштейновской ОТО также следует, что во вселенских масштабах понятие одновременности не имеет смысла, что обусловлено конечной скоростью света. Но у Сартра одновременность рассматривается исходя из онтологических предпосылок, а не феноменологических, как у Эйнштейна. Любопытным, если не сказать интригующим, представляется замечание «...за исключением точки зрения бытия, которое было бы сопричастным с обоими в-себе и имело бы в самом себе способность присутствия». Иными словами, говорить об одновременности в глобальном масштабе имеет смысл только с точки зрения присутствия внешнего по отношению к Вселенной наблюдателя. В философской литературе такого наблюдателя принято именовать трансцендентальным субъектом. Онтологию времени Сартр исследует тщательнейшим образом, но сопутствующую проблематику трансцендентальной субъективности как будто бы не замечает. Не исключено, что французский философ делает это намеренно, руководствуясь напутствием Людвига Витгенштейна «О чём нельзя говорить — о том следует молчать». В результате рассматриваемое Сартром *Бытие* освещается через сугубо антропологическую призму, что является следствием игнорирования указанной проблематики. Три измерения времени и выполняют по сути функцию такой призмы, являясь чисто субъективными отправлениями. Прошлое, Будущее и Настоящее сами находятся внутри времени, и поэтому его генезис разглядеть посредством их не представляется возможным. Они, конечно, позволяют рефлексировать временность, но попытка через них уяснить объективную сторону времени упирается в их ограниченность.

2.4. Генезис временности — трансцендентальная субъективность

Житейская мудрость гласит: «Всё новое — это хорошо забытое старое». Уже древние мыслители понимали, что генезис временности обусловлен сознанием. Из фундаментальной монографии П. П. Гайденко, в которой обобщён опыт осмысления времени начиная с античности и по XX век включительно, в частности, узнаём: «Итак, движение — во времени, время — в душе. Таков итог исследования Плотина. О какой же душе говорит здесь греческий философ? Об индивидуальной душе человека, которую в связи с временем имел в виду Аристотель, или душе мировой, душе самого космоса? Чтение третьей Эннеады не оставляет сомнения в том, что у Плотина речь идёт о душе мира, которой причастна любая отдельная душа» [Гайденко П. П., 2006, с. 48]. В христианской патристике, например, у Аврелия Августина, напротив, время связывается с жизнью индивидуальной души. «Как же совершается, по Августину, измерение времени? Напряжение души осуществляет акт перевода будущего в прошлое и тем самым конституирует время. Условием существования времени, таким образом, является структура души, в которой соединяются в нечто непрерывное различные измерения времени. Только в душе, говорит Августин, «есть все три времени. Она и ждёт, и внимает, и помнит: то, что она ждёт, проходит через то, что она внимает, и становится тем, что она помнит. Будущего еще нет, но в душе живёт ожидание будущего. Прошлого уже нет, но в душе живут воспоминания о прошлом. Настоящее лишено длительности, но внимание — протяжённо. У будущего нет длительности, ибо нет самого будущего; длительность будущего — это длительность его ожидания. У прошлого нет длительности, ибо нет самого прошлого; длительность прошлого — это длительность памяти о нём». Как видим, модусы времени удерживаются только в нашем сознании. Есть три времени, поясняет Августин: настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. «Некие три времени эти существуют в нашей душе и нигде в другом месте я их

не вижу: настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание» [Гайденко П. П., 2006, с. 64]. Итак, уже на заре становления натурфилософии время начали связывать с сознанием, и тогда же наметилось два различных понимания этой связи: в одном случае имеется в виду некоторое вселенское сознание — «мировая душа», в другом — индивидуальное сознание, душа человека. Что касается последнего, то уже в новое время означенный образ мыслей в проблематике времённости привёл в конце концов к психологизму, что фактически означало элиминацию времени. Ход рассуждений здесь достаточно незамысловат. Если время лишь некоторое свойство человеческой психики, при том, что изменения в природе и небесных сферах, безусловно, от человека не зависят, а изменения и время — суть синонимы, то объективных предпосылок у времени нет, оно не более чем человеческая иллюзия. Как будет показано ниже, генезис глобальной времённости находит содержательное истолкование в рамках рассматриваемой метафизической парадигмы, где время представлено суперпозицией двух составляющих — линейной и циклической. Но прежде в качестве ремарки продемонстрируем сообразность двухкомпонентного времени в аспекте его метрологии. Каждый знает, что время «идёт». Но если спросить, что это значит, то этот вопрос наверняка приведёт вопрошаемого в замешательство. Выявленные нами дифференциации времени обеспечили нас категориальной базой, позволяющей содержательно ставить подобные вопросы и отвечать на них. Изменения, связанные с ходом времени, мы соотносим с его линейной частью. Именно ею обусловлен поступательный ход событий. Спрашивается, как быстро или с какой скоростью время идёт? Точнее, какой атрибут, присущий времени, обеспечивает возможность его измерения и как принцип лежит в основании любых часов? Такая возможность обеспечивается циклической составляющей. Поясним нашу мысль с помощью следующей условной аналогии. Ход линейного времени можно уподобить океанскому течению. Наблюдателю, находящемуся в потоке, невозможно определить, с какой скоростью он движется. Если же представить, что вдоль по направлению движения расположены примыкающие друг к другу водовороты, подпитываемые энергией течения, то характеристикой, пропорциональной скорости потока, будет число остающихся позади водоворотов, которые соответствуют, по аналогии, циклической составляющей времени.

Как мы выяснили на основе анализа трёх измерений времени, первичным образом время конституируется как феномен сознания. Но нас интересует в первую очередь генезис глобальной (абсолютной) времённости, которая с аподиктической достоверностью не может быть отнесена к отправлению индивидуального сознания. Естественный ход рассуждений подвёл нас к теме трансцендентальной субъективности. Но дефиниции Прошлого, Будущего и Настоящего не применимы в отношении последней и не имеют смысла, потому что она недоступна опытной верификации. Соответственно, выявлению подлежат иные присущие времени атрибуты, с необходимостью указывающие на источник глобальной временности и в то же время свободные от недостатков антропологического описания. Крупнейшим мыслителем, поднявшим в новейшее время вопрос обусловленности абсолютной времённости трансцендентальным сознанием, был основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль. «Именно сознание, трансцендентальная субъективность есть, по Гуссерлю, условие возможности всякого сущего, ибо для сущего *быть* — значит *быть предметом сознания*. «Всякому "истинно сущему" предмету принципиально соответствует идея некоторого возможного сознания, в котором сам этот предмет схватывается изначально, притом совершенно адекватно» [Гайденко П. П., 2006, с. 356]. Своим образом мыслей Гуссерль продолжил линию, намеченную его учителем Францем Brentano. «Быть временным, по Brentano, — значит иметь бытие, всё сущее

есть лишь некоторая граница. Даже Бог есть существо временное, т. е. существует «теперь», не стоит над временем, как полагала средневековая теология, ибо иначе невозможно объяснить, как вневременное сущее порождает временное» [Гайденко П. П., 2006, с. 367]. Гуссерль стремился оформить феноменологию как целостную, научно обоснованную философскую систему. В связи с чем его волновала проблема *единого*, без разрешения которой система не выглядела законченной. Означенное *единство* немецкий философ приписал времени. «Как видим, философ опять пытается найти нечто *единое*, *одно* — на худой конец что-то к нему близкое, — что могло бы быть источником прочности и устойчивости для конституируемых в абсолютном потоке феноменов. В качестве такого эрзаца единого он указывает на *одно время*, т. е. на единство самого абсолютного потока. Но очевидно, что *единство потока* — это оксюморон, на такой неопределённой, зыбкой почве прочного фундамента не построишь. Как справедливо замечает в этой связи А. Г. Черняков, в текстах Гуссерля мы постоянно встречаем применительно к понятию времени такие обозначения, как «течение», «поток», ибо поток есть извечный образ, метафора времени. Однако метафора, как хорошо видел уже Аристотель, «именует там, где нет собственного имени. Безымянные временные смыслы живут в феноменологическом тексте благодаря метафоре потока. Метафора, отрицая себя, превращается в оксюморон, и тогда на сцене появляется *der stehende strömende Fluß*. И в самом деле, что такое «единство потока», как не парадокс «неподвижного текущего потока?» [Гайденко П. П., 2006, с. 372] Проблема времени в связи с трансцендентальной субъективностью оказалась для Гуссерля неразрешимой. «Трудность, вставшая перед Гуссерлем, указывает на границы трансцендентальной феноменологии: отождествив последнюю реальность — абсолютную субъективность — с темпоральным потоком, Гуссерль не может разрешить проблему единства, которая всегда была камнем преткновения для психологизма во всех его вариантах. Коль скоро Я перестало быть субстанцией (учение Декарта о Я как мыслящей субстанции Гуссерль считает ложным выводом французского мыслителя, помешавшим ему создать последовательную теорию трансцендентальной субъективности, возможную лишь в рамках феноменологии), т. е. утратило ту основу, которая позволяет ему оставаться *единым и тождественным самому себе* при всех изменениях его психических состояний, то обрести нечто прочное и устойчивое в Я, помимо «потока», оказывается невозможным. Это затруднение трансцендентальной феноменологии верно отмечает В. И. Молчанов: «Гуссерль, по-видимому, ощущал неудовлетворительность тотального отождествления сознания и времени, и это выразилось в том, что, по Гуссерлю, самый глубинный слой субъективности — абсолютный поток сознания — сам в себе уже не темпорален. Лишь метафорически, по Гуссерлю, абсолютную субъективность можно назвать потоком» [Гайденко П. П., 2006, с. 374].

В сформулированной ранее метафизической парадигме¹⁷ время эксплицируется как семантически определённым образом понимаемое «движение» *духовной эссенции*, обусловленное бесконечным во всех аспектах метафизическим пространством. Из понятийной спецификации активности *духовной эссенции* мы пришли к выводу, что время репрезентируется суперпозицией двух компонент — циклической и линейной (ациклической). Указанное различие, как будет видно из нижеследующего, позволяет сделать обоснованное положительное заключение о бытии трансцендентальной субъективности, посредством которой в позитивном плане раскрывается проблема генезиса глобальной вре́менности. Рассмотрим более внимательно обе выявленные

¹⁷ Кремень Р. Л. Вращательно-монадная метафизика // Vox. Философский журнал. — 2021. Вып. 33. — С. 104–134.

дифференциации. Геометрическим образом первой — *циклической* — является круг, а второй, соответственно, линия. Указанная пара является диалектическим противоположением, и согласно диалектическому методу их синтез должен выявить глубинный и неявный пласт действительности. Кроме того, составляющие пару элементы принадлежат, как нетрудно заметить, к классу так называемых идеальных объектов — абстракциям, — поскольку среди материальных предметов, как известно, таких вещей, как круг и линия, нет. По сути, в данном случае мы имеем дело с объектами, относящимися к исключительной прерогативе математической дисциплины. Философами не раз уже было обращено внимание на феномен математических объектов в аспекте их онтологического статуса. И следует констатировать, что вопрос этот с необходимой конкретностью общепринятым конвенциональным учреждением философского сообщества по-прежнему не освящён. Диспозиция автора по этой проблеме уже была представлена¹⁸. В данном месте мы лишь в очередной раз воспроизводим вывод — потому что данный момент принципиален для нашего дискурса, — который однозначен: математические абстракции безусловно причастны онтологической действительности, неустранимо укоренены в ней. Давно замечено, что математические объекты, в отличие от всех других феноменов, не подвержены влиянию времени и в некотором смысле символизируют неизменную, иначе говоря, вечную основу Бытия, противопоставляемую изменчивости и бренности всего сущего. Это относится и к выделенным нами объектам — кругу и линии. Они являются референтами не подверженного тлену бытийного ядра и воплощают в себе онтологическое постоянство, ставшее камнем преткновения для Гуссерля в его феноменологическом обосновании трансцендентальной субъективности. Так что же даёт синтез диалектически противопоставляющих друг друга идеальных объектов — круга и линии? Какая прикровенная подлинность таится под сугубо идеальными «покрывалами», над которыми не властно время? Таковой является сознание! Это вполне сообразуется с общим смысловым раскладом настоящего нарратива. Где ещё, как не в сознании, могут обретаться абстракции. И поскольку оные мы соотносим с абсолютным временем, то подразумевается, конечно, сознание трансцендентального субъекта. Референты абсолютного времени качественно отличаются от антропологических модусов времени — Прошлого, Будущего и Настоящего. Последние как таковые в абсолютном времени, обусловленном трансцендентальной субъективностью, не выделяются как отдельности, а составляют единое целое — бесконечное трансцендентальное Настоящее, вобравшее в себя и Прошлое, и Будущее. Трансцендентальное Настоящее суть тоже интервальное Настоящее, у которого интервал разомкнулся в бесконечность. Известное воззрение античных философов, полагавших, что мир, сотворённый Богом, дан весь и сразу, кажется на первый взгляд согласующимся с нашей герменевтикой времени. Сходство, безусловно, имеется, но оно сугубо формальное. Божественное Настоящее представлялось древним абсолютно статичным, что фактически элиминировало время. Означенное заблуждение было обусловлено игнорированием сложной гетерогенной структуры времённости, в которой Прошлое и Будущее качественно различны. Неразличение Прошлого и Будущего в абсолютном времени, обусловленном трансцендентальной субъективностью, не означает упразднение детерминированного характера прошедшего, вероятностную природу грядущего и исчезновение времени. Безусловно, прав Франц Brentano, заметивший, что «даже Бог есть существо временное».

¹⁸ Кремень Р. Л. Диалектическая гносеология // Vox. Философский журнал. — 2020. Вып. 28. — С. 102–127.

Заключение

Естествознание как социально организованная деятельность находится, как представляется, в преддверии новых качественных изменений в связи — выражаясь юридическим канцеляритом — со вновь открывшимися обстоятельствами, касающимися «дела» о времени, позволивших установить онтологическую роль сознания в эволюции природы. Спрашивается, какие трансформации должны претерпеть науки о природе, чтобы соответствовать новому гносеологическому статус-кво? Ответить не то чтобы исчерпывающе, но даже в общих чертах на этот вопрос сейчас невозможно. Требуется время, чтобы в полной мере осознать масштаб и содержание преобразований, ожидающих указанную сферу. Одно ясно: дальнейшее существование научных дисциплин как самостоятельных, изолированных от других форм познавательной деятельности себя исчерпало. И в первую очередь необходима организация перманентной коммуникации между физиками и натурфилософами, их совместное участие в выработке и селекции стратегически перспективных направлений научного поиска. Опыт развития той же физики показывает, что физико-математические методологии имеют свои ограничения, преодолеть которые естествоиспытателям самостоятельно затруднительно. Подтверждение тому — попытки последних на основе имеющегося у них инструментария проникнуть в существо времени, без чего дальнейшее раскрытие тайн материи становится весьма проблематичным. Но постичь время, как мы выяснили, без интенции на сознании невозможно. Так что же о сознании могут сказать учёные? «Это подводит нас к очень сложной проблеме — проблеме сознания. Я получаю много писем с вопросами о сознании. На большинство я отвечаю так: если у сознания есть тайны, они пока за рамками известного науке. Мне, физику, нечего об этом сказать. Лишь с одним человеком я позволяю себе говорить о проблеме сознания — Джеймсом Джорджем. Джим — бывший дипломат. Он служил верховным комиссаром Канады в Индии и Шри-Ланке, послом в Непале и Иране, странах Персидского залива и других местах. Он, как мне рассказывали, легендарный представитель канадской дипломатии эпохи Пирсона и Трюдо, когда Канада распространяла идеи миротворчества. Сейчас, в свои 90 лет, Джим пишет книги о духовных основах экологических проблем и помогает работе экологического фонда. Им восхищаются многочисленные друзья и знакомые. Он один из тех немногих в моем окружении, кто живёт мудро, что мне вряд ли удастся. Джим говорит: “То, что вы рассказываете о смысле времени в физике, увлекательно, но вы упускаете из виду ключевой элемент, на который указывают все ваши мысли, — роль сознания во Вселенной”. Я слушаю, но сказать мне нечего» [Смолин Л., 2014, эпилог].

Ситуацию, в которой оказался выдающийся учёный Ли Смолин, выдержку из чьей книги мы привели, вознамерившийся «вернуть время» в физику, но не имеющий никаких соображений о связи времени с сознанием, иначе как комичной не назовёшь. Это равносильно тому, как если бы некто вполне серьёзно стал бы обсуждать план пешего похода на Луну. Нельзя сказать, что наития о роли сознания в эволюции природы не нисходят на учёных. Например, в книге известного космолога Андрея Линде «Физика элементарных частиц и инфляционная космология» встречаем такую ремарку: «Однако нельзя заранее исключить, что тщательное отмежевание от использования понятия сознания в квантовой космологии является искусственным сужением зоны поиска» [Линде А. Д., 1990, с. 246]. Вопрос, как расширить «зону поиска» путём имплементации категории сознания в научную методологию, до сих пор не только не актуализирован, но даже не рефлексирован в научном сообществе. Достаточно длительное и относительно успешное развитие физики без обращения к иным инстанциям выработало среди учёных определённую гордыню исключительности. Но всё когда-нибудь кончается. Похоже, что

и эпоха самодовлеющей физики также завершается. Процесс перехода физики в новое качество будет, по-видимому, непростой и небыстрый. Если уж именитые учёные не имеют даже приблизительного представления, как семантику, связанную с сознанием, учитывать при рекогносцировке предпосылок определённого крупного научного проекта, то что уж говорить о рядовом научном сотруднике из сообщества достаточно многочисленной учёной братии. Тем не менее движение в обозначенном направлении нужно начинать уже сейчас.

Литература

1. Блаватская Е. П. Тайная доктрина. Космогенезис. Антропогенезис. — М.: Издательство «АСТ», 2016. — 2630 с.
2. Бруно Дж. О бесконечности, вселенной и мирах // Диалоги. — М.: Госполитиздат, 1949. — 552 с.
3. Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. — М.: Прогресс-Традиция, 2006. — 464 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия природы // Энциклопедия философских наук. Т. 2. — М.: «Мысль», 1975. — 695 с.
5. Делёз Ж. Различие и повторение. — СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 384 с.
6. Ефремов А. П. Кватернионы: алгебра, геометрия и физические теории // Гиперкомплексные числа в геометрии и физике. — 2004. № 1. — С. 111–127.
7. Колупаев В. Сократ Сибирских Афин. — Томск: Изд. ТПУ, 2007. — 612 с.
8. Кольцов А. В. Динамическая метафизика бытия. URL: <http://rodon.org/koltsov/dmb.htm> (дата обращения: 28.08.2022).
9. Кремень Р. Л. Вращательно-монадная метафизика // Vox. Философский журнал. — 2021. Вып. 33. — С. 104–134.
10. Кремень Р. Л. Диалектическая гносеология // Vox. Философский журнал. — 2020. Вып. 28. — С. 102–127.
11. Линде А. Д. Физика элементарных частиц и инфляционная космология. — М.: Наука, 1990. — 280 с.
12. МакТаггарт Д. Нереальность Времени / Пер. с англ. и вступ. статья Ю. Н. Олейника // Vox. Философский журнал. — 2019. Вып. 26. — С. 115–140.
13. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / Пер. с латинского и примечания А. Н. Крылова. — М.: Наука, 1989. — 688 с.
14. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. — М.: Республика, 2000. — 639 с.
15. Смолин Л. Атомы пространства и времени // В мире науки. — 2004. № 4. — С. 48-57.
16. Смолин Л. Возвращение времени. От античной космогонии к космологии будущего / Пер. с англ. А. Ростовцева. — М.: Издательство «АСТ», 2014. — 760 с.
17. Смолин Л. Неприятности с физикой: взлёт теории струн, упадок науки и что за этим следует / Пер. с английского издания Penguin Book, London, 2007; Артамонов Ю. А. URL: <http://www.rodon.org/sl/nsfvtsunichzes/> (дата обращения: 28.08.2022).
18. Уитроу Дж. Естественная философия времени / Пер. с англ., общ. ред. М. Э. Омеляновского. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 400 с.
19. Шихобалов Л. С. Время: субстанция или реляция?.. Нет ответа // Вестник Санкт-Петербургского отделения Российской Академии естественных наук. — 1997.

№ 1 (4). — С. 369–377. URL: <http://www.veinik.ru/science/phil/article/393.html> (дата обращения: 28.08.2022).

References

1. Blavatskaya E. P. *Tajnaya doktrina. Kosmogenezis. Antropogenezis* [Secret Doctrine. Cosmogenezis. Anthropogenezis]. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2016. 2630 p. (In Russian.)
2. Bruno G. "O beskonechnosti, vselennoj i mirax" [About infinity, the universe and worlds], in: *Dialogi* [Dialogues]. Moscow: Gospolitizdat, 1949. 552 p. (In Russian.)
3. Deleuze G. *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition]. St. Petersburg: TOO TK Petropolis, 1998. 384 p. (In Russian.)
4. Efremov A. P. *Kvaterniony: algebra, geometriya i fizicheskie teorii* [Quaternions: algebra, geometry and physical theories]. Hypercomplex numbers in geometry and physics, 2004, no. 1, pp. 111–127. (In Russian.)
5. Gajdenko P. P. *Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropejskoj filosofii i nauke* [Time. duration. Eternity. The problem of time in European philosophy and science]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2006. 464 p. (In Russian.)
6. Hegel G. W. F. "Filosofiya prirody" [Philosophy of nature], in: *Enciklopediya filosofskix nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences], Vol. 2. Moscow: Mysl', 1975. 695 p. (In Russian.)
7. Kol'cov A. V. *Dinamicheskaya metafizika bytiya* [Dynamic metaphysics of being]. URL: [<http://rodon.org/koltsov/dmb.htm>, accessed on 31.08.2022]. (In Russian.)
8. Kolupaev V. *Sokrat Sibirskix Afin* [Socrates of Siberian Athens]. Tomsk: Izd. TPU, 2007. 612 p. (In Russian.)
9. Kremen' R. L. *Dialekticheskaya gnoseologiya* [Dialectical epistemology]. *Vox. Philosophical journal*, 2020, no. 28, pp. 102–127. (In Russian.)
10. Kremen' R. L. *Vrashhatel'no-monadnaya metafizika* [Rotational-monad metaphysics]. *Vox. Philosophical journal*, 2021, no. 33, pp. 104–134. (In Russian.)
11. Linde A. D. *Fizika elementarnyx chasticz i inflyacionnaya kosmologiya* [Physics of elementary particles and inflationary cosmology]. Moscow: Nauka, 1990. 280 p. (In Russian.)
12. McTaggart J. *Nereal'nost' Vremeni* [The unreality of time], trans. and intr. by Yu. N. Oleinyk. *Vox. Philosophical journal*, 2019, no. 26, pp. 115–140. (In Russian.)
13. Newton I. *Matematicheskie nachala natural'noj filosofii* [Mathematical Principles of Natural Philosophy], trans. and com. by A. N. Krylov. Moscow: Nauka, 1989. 688 p. (In Russian.)
14. Sartre J.-P. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothing. The experience of phenomenological ontology], trans. by V. I. Kolyadko. Moscow: Respublika, 2000. 639 p. (In Russian.)
15. Shihobalov L. S. *Vremya: substanciya ili relyaciya?.. Net otveta* [Time: substance or relation?.. No answer]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Rossijskoj Akademii estestvennyx nauk*, 1997, no. 1 (4), pp. 369–377. URL: [<http://www.veinik.ru/science/phil/article/393.html>, accessed on 31.08.2022]. (In Russian.)
16. Smolin L. *Atomy prostranstva i vremeni* [Atoms of space and time]. In the world of science, 2004, no. 4. Pp. 48–57. (In Russian.)

17. Smolin L. *Nepriyatnosti s fizikoj: vzlet teorii strun, upadok nauki i chto za etim sleduet* [Trouble in Physics: The Rise of String Theory, the Decline of Science, and Beyond]. URL: [<http://www.rodon.org/sl/nsfvtsunichzes/>], accessed on 31.08.2022]. (In Russian.)

18. Smolin L. *Vozvrashhenie vremeni. Ot antichnoj kosmogonii k kosmologii budushhego* [The return of time. From ancient cosmogony to the cosmology of the future], trans. by A. Rostovcev. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2014. 760 p. (In Russian.)

19. Whitrow J. *Estestvennaya filosofiya vremeni* [The Natural Philosophy of Time], trans. by M. E. Omel'yanovskij. Moscow: Editorial URSS, 2003. 400 p. (In Russian.)

Space and Time

Kremen' R.,
independent researcher, Tomsk,
kremen-roman@rambler.ru

Abstract: The genesis of space and time is investigated within the rotational-monadic paradigm. It is established that the essence of the phenomenon of space is revealed through the dialectical synthesis of its two aspects — ideal and material, where the material aspect is represented by the metaphysical construct of protomonad. It is shown that basic physical distinctions such as motion, mass, gravitation find a meaningful hermeneutic through the material aspect of space, which has a purely discrete structure, while the contradiction about finitude — infinity is resolved by juxtaposing metaphysical and ontic spaces, where the Universe is represented as an “egg”. The analysis of temporality is preceded by remarks on the relational and substantive concepts of time, consideration of the discreteness-continuity dilemma, and criticism of the absolutization of discreteness in the temporality representation. It is argued that discreteness and continuity are combined dialectical oppositions through which the temporal reality is actualized, where continuity is hidden from observation in the metaphysical world and discreteness is manifested explicitly in the physical world. Three dimensions of time — Present, Past and Future — are discussed, as a result of which it is stated that in the primary way time is found as an attribute of consciousness and only in the secondary way it correlates with phenomenological reality. New differentiations of time are revealed: interval Present, embracing as a universum other moduses of the Present, and two- component time in the form of cyclic and linear components which allow us to make a justified positive conclusion about the existence of transcendental subjectivity, being the basis of absolute temporality.

Keywords: space, time, matter, metaphysics, protomonad, spiritual essence, discreteness, continuity, consciousness, transcendental subjectivity.